

СЕКЦИЯ II

Андреев В.П., Борзых С.В.

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ

На фоне последних событий все чаще стали говорить о столкновении цивилизаций. Действительно, 11 сентября 2001 г. в США, транслируемое в прямом эфире на всю планету и превратившееся в настоящее представление (что вообще-то дико), неизменные и постоянно повторяющиеся события в Израиле и других частях света явственно показывают проблему различия именно на цивилизационном уровне. Одним из ярких показателей процесса нарастания противоречий между цивилизациями является терроризм, особенно если он обладает достаточной аргументацией, необходимыми обоснованиями своих последствий.

Стоит заметить, что в настоящее время существует сразу несколько очагов напряженности, которые проходят по линии разлома тех или иных взглядов на мир, культур, языков, территориального деления и просто стиля жизни. Однако здесь немедленно встает вопрос о критериях деления человечества на цивилизации. Не будем далеко уходить за ответом и приемем как данность уже сложившееся понимание основных цивилизаций. В таком случае возникает основной фронт борьбы – между Западом и Востоком. К нему зачастую присовокупляют и противостояние Север – Юг.

Западная цивилизация, включающая в себя Европу и Америку (США и Канада), ведет достаточно агрессивную внешнюю политику, направленную на захват новых рынков сбыта и запасов природных ресурсов в более отсталых уголках Земли. Это движение сопровождается не только экспансией экономической, которая имеет своими последствиями ухудшение уровня жизни основной части населения, но и культурную агрессию, насаждающую западные императивы, западную систему ценностей – демократию, равенство перед законом, фаст-фуд и прочее – не принимающую в расчет уже сложившееся отношение к различным понятиям, а именно – справедливости, правды, добра и зла.

Как естественная защитная реакция на свет выходит терроризм. Стоит пояснить, что сам по себе терроризм бывает разных видов и не всегда он преследует цель доказать пагубность вмешательства в традиционную общественную систему. Встречаются различные обоснования взрывов, захвата заложников, шантажа и т.д. Некоторые организации таким образом борются за независимость (это сепаратисты), другие – простые преступники, третьи хотят сохранить свою цивилизацию. Последние зачас-

тую руководствуются религиозными принципами и догмами. И не всегда это ислам. Христианские фундаменталисты не менее страшны и опасны, хотя об этом почему-то предпочитают молчать.

Изначально терроризм хотел привлечь к себе внимание мировой ответственности. Первые террористические акты проводились так, чтобы задеть «за живое» любого человека своей жестокостью, несправедливостью, варварством, т.е. быть зеркалом тех процессов, которым он сам противостоял.

Наиболее ярким примером является, безусловно, Израиль. Государство, образованное под нажимом американцев, европейцев, евреев и при жестком отрицании такой возможности арабами, стало комом в горле для всего мирового сообщества. Война, начатая более полувека назад, продолжается до сих пор, и ей так и не видно конца и края. Ежегодно проводятся встречи на высшем уровне, но они ни к чему не приводят. Евреи борются за то, чтобы их оставили в покое, а арабы – за идею, кстати, довольно абстрактную. Пустынный клочок земли, превращенный стараниями израильтян в цветущий сад, стал яблоком раздора для двух цивилизаций. И конфликт этот вряд ли будет разрешен в ближайшее время только потому, что стороны оперируют разными понятиями и зывают к различного вида справедливости, откровенно не понимая друг друга.

В этой связи арабо-израильский конфликт можно назвать отторжением инородного тела и попыткой в зачатке уничтожить (причем любыми методами) непонятное, а потому неприемлемое. Терроризм в данном случае выступает реакцией слабого на более сильного и хорошо подготовленного противника. По сути, террористические акты всегда являются проявлением слабости и неуверенности. И здесь все зависит от того, как поведет себя та сторона, против которой направлены подобные действия. Израиль достаточно жестко подавляет экстремизм и пытается адекватно отвечать на всплески насилия со стороны арабов. Жители этой страны привыкли к терактам и научились сдержанно на них реагировать, принимая при этом все меры, чтобы все-таки ликвидировать террористические организации.

Что касается России, то она вообще трудно поддается всякому определению и обозначению. Сложности возникают даже при отнесении ее к какому-то цивилизационному типу. С одной стороны, Россия принадлежит к западной цивилизации и налицо многие признаки, подтверждающие подобные суждения. С другой стороны, существует масса характерных черт, присущих России, которые неизменно опровергают версию о западном происхождении нашей цивилизации.

Россия постоянно переживает внутренние конфликты и столкновения, не перерастающие в цивилизационные. Революции и войны, прокатившиеся по территории России, носили по преимуществу социальный характер и были направлены против существовавшего строя. Поэтому Россию часто относят к особой восточнославянской цивилизации, что, однако, вызывает некоторые нарекания. Если рассмотреть другие славянские народы – например, чехов, хорватов, поляков (которые являются периферией романо-германского мира), становится ясно, что Россия не может претендовать на вхождение в западную цивилизацию, как это происходит с последними. Она не образует собой восточнославянского типа развития просто потому, что Россию населяют различные народности, национальности и даже нации, которые по своим характеристикам скорее относятся к исламской, китайской и другим цивилизациям. Россию в этой связи часто причисляют к особой цивилизации.

Все это важно для уяснения следующего утверждения – терроризм в России не может быть признаком столкновения цивилизаций. Российский человек очень терпимо относится к различным конфессиям, к традициям и ценностям (наверное, потому, что, завоевывая огромные пространства, россияне просто не могли переварить такое большое количество понятийных наборов, инструментов и стилей жизни), к высказываниям и откровениям других народов. Вся история России пропитана опытом сожительства с самыми разнообразными народами и национальностями.

Терроризм на Кавказе имеет сугубо преступные корни. Хотя те же чеченцы борются за независимость и потому справедливо могут быть отнесены к сепаратистам и национальным героям, чеченское государство вряд ли возможно без участия России. Ичкерия делится на кланы (тейпы) и по существу до сих пор пребывает в родоплеменном состоянии развития общества.

Совершить террористический акт почетно по двум причинам – можно заработать деньги и стать героем. Религиозные корни тут ни при чем. Очень редкие террористы руководствуются в своих действиях исламскими традициями и ценностями. Сам ислам развит слабо и не глубоко проник в менталитет чеченского народа. Он используется лишь для того, чтобы завербовать новых, молодых и неопытных в плане психического воздействия новобранцев.

Можно, конечно, возразить, что существенная подпитка терроризма на российском Кавказе идет из более религиозных организаций из-за рубежа. Но чеченцы взрывают дома в Москве, захватывают заложников на фе-

деральных трассах и занимаются шантажом не потому, что так велит Аллах, а потому, что ими движет желание отомстить за свой тейп, за свой род, за свою семью и при этом стать героем. Воровство и угон скота традиционно почитались в Чечне. Сейчас скотокрадство трансформировалось в похищение людей, а молодецкая удаль – в безнаказанное осуществление взрывов. Необходимо повторить, что ко всему добавляется и немалый материальный интерес, ведь Чечня – бедная страна, не имеющая никаких значительных производственных мощностей, а также разрушенная продолжающимися вот уже восьмой год боевыми действиями на ее территории.

Вероятно, Россия будет участвовать в столкновении цивилизаций (если таковое случится), и линия разлома будет проходить либо по Кавказу (тогда чеченцы станут лишь малой частью более цивилизационно компактного и единого движения), либо по западным границам (тогда противником России станет западная цивилизация), либо, как альтернативный вариант, Россия сможет адаптировать и синтезировать для себя признаки и важнейшие составляющие многих цивилизаций и представить миру нечто новое и революционное в плане взаимоотношений между цивилизациями.

Гордок С.А., Малышева Н.С.

США, НАТО И РОССИЯ: ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Международные отношения на исходе XX в. – в начале XXI в. находятся на поворотном отрезке истории, который, как и любой переломный этап, является одновременно периодом значительной неопределенности и нестабильности. Именно в такие узловые периоды истории перед трансформирующимися обществами, к которым относится и Россия, встает, по словам Ю.П. Давыдова, целый ряд вопросов, например: на какую смену ценностей и парадигм должны ориентироваться политические системы, каковы судьбы отдельных национальных государств во все более взаимозависимом мире; ведут ли глубокие потрясения последнего десятилетия к образованию цельного мира или углубляют его цивилизационную дифференциацию; в какой мере современные исследователи могут оценить размер, масштаб и последствия этой в короткое время произошедшей метаморфозы? Нет ясного понимания того, на какие нормы международного поведения должно ориентироваться мировое сообщество. Отсюда осторожность экспертов в оценках различных нововведений в международной жизни⁸³.

⁸³ Давыдов Ю.П. Расширение зоны ответственности Атлантического мира // США и Канада. 2000. №3. С. 12.

Казалось бы, разрушив социалистическую систему, мы избавили себя от множества проблем и противоречий, однако в действительности породили еще большее их количество. Примером может служить «внутренний кризис 1998–1999 гг., когда в августе 1998 г. рухнул и оказался окончательно дискредитированным курс проводившихся с 1992 г. реформ, а затем стали нарастать признаки разложения и до того слабого российского государства. Внутренний кризис окончательно дезорганизовал процесс выработки внешней политики, еще более ослабил Россию в глазах внешнего мира. Поэтому к началу 2000 г. с внешнеполитической точки зрения Россия оказалась в трудной ситуации. Появились новые вызовы, на которые адекватного ответа дано не было. В глазах общества престиж страны также заметно покачнулся»⁸⁴.

События 11 сентября 2001 г. стали очередным этапом ломки стереотипов того, что с Россией как со слабым государством мало кто считается. В частности, в прессе активно стала обсуждаться тема незаменимости России в борьбе против международного терроризма. Кроме того, появился реальный шанс на улучшение отношений с Соединенными Штатами, которые на сегодняшний день являются наиболее влиятельной державой. Таким образом, проблема места России в мире, ее новых партнеров и противников на мировой арене, привлекает все большее внимание наших соотечественников. Каким образом России необходимо строить отношения с Соединенными Штатами, как изменилось восприятие нашими согражданами Америки и ее внешней политики после событий 11 сентября 2001 г., – вот те вопросы, которые представляют интерес сегодня.

Особый интерес при этом представляет взгляд из «российской глубинки» – в частности, из столицы Алтайского края. Собрать данные о настроениях барнаульцев в отношении США стало возможно на основе двух телефонных опросов, проведенных на базе учебно-научной лаборатории АГУ «Алтайская школа политических исследований». Один опрос состоялся в феврале 2000 г. и охватил 225 респондентов, другой имел место в феврале 2002 г. и включил в круг опрошенных уже 500 человек. К участникам опроса применялась квотная выборка по полу, возрасту и образованию⁸⁵.

⁸⁴ Караганов С., Аверчев В., Адамишин А., Белкин А., Пушков А. Стратегия для России: Повестка дня для Президента-2000 // http://www.svop.ru/book2000_chapter2.htm. Гл. II. п. 1.2.-1.1.

⁸⁵ Подробнее см.: Гордок С., Григорян А., Малышева Н. Международные проблемы глазами барнаульцев – 2002 // <http://hist.dcn-asu.ru/ashpi/ashi/ashi.html>; Чернышов Ю.Г. Эволюция оценки места России в мире (по данным социологических исследований) // <http://hist.dcn-asu.ru/ashpi/ashi/research/ther02.html>.

Мнения отечественных и зарубежных исследователей, высказывания российских и американских политических деятелей, а также результаты опросов в Барнауле позволили авторам выделить два основных аспекта отношений России и США, которые являются проблемными. Это, во-первых, восприятие Соединенных Штатов как партнера/противника; во-вторых, положительное/отрицательное отношение к Североатлантическому блоку. При этом проводилось сопоставление данных за февраль 2000 г. (до событий 11 сентября 2001 г.) с результатами опроса февраля 2002 г. Сопоставление позволяет выявить следующую картину.

1. США как возможный союзник/противник

Несомненно, США и в силу своего размера, и глобальной миссии являются державой, от поведения которой зависят судьбы мира. Конечно, надо быть реалистом и понимать, что даже этой стране не под силу изменить ход человеческой истории, но оказать на него влияние, ускорить одни и замедлить другие процессы и явления она может. Другими словами, судьбы многих стран, а в чем-то и будущее России, зависят от того, как, в какую сторону повернет политика США⁸⁶.

Балканский кризис и бомбардировки НАТО Сербии летом 1999 г. вызвали резкую реакцию со стороны российского правительства, подняли волну антиамериканских настроений в российском обществе. Даже спустя год, в феврале 2000 г., 45,3% респондентов назвали США противником России. По поводу ситуации в Косово СБ ООН не выдавал мандата, который прямо указывал бы на возможность использования там военной силы. Для легализации использовались компромиссное толкование понятия «коллективная безопасность», и прежде всего изменения в понятийном аппарате. Так, вместо понятий «Атлантический мир», «атлантизм» все чаще, в том числе и в официальных документах, используются термины «Евроатлантический мир», «евроатлантизм», а вместо «защиты конкретного территориального аспекта» все чаще используется понятие «защиты коллективных (общих) интересов», причем «в меняющейся и зачастую непредсказуемой обстановке»⁸⁷.

События 11 сентября могли бы стать поворотным моментом в восприятии Америки барнаульцами, изменив его в более благоприятную сто-

⁸⁶ Кременюк В.А. Внешняя политика США на рубеже веков // США и Канада. 2000. № 5. С. 13.

⁸⁷ Давыдов Ю. П. Указ. соч. С. 20–21.

рону. Однако, судя по данным, даже пострадавшая от действий международных террористов Америка не вызвала у многих наших сограждан симпатии. И сегодня 44,4% наших сограждан относят США в разряд наиболее вероятных противников. Это может быть связано с негативным образом Америки, сложившимся как под влиянием конкретных событий (стремление выйти из Договора по ПРО 1972 г.), так и под воздействием СМИ.

Тем не менее, немало респондентов относят Соединенные Штаты в число союзников России. Увеличение числа сторонников партнерства с США (с 20,7% до 28,6%) может быть напрямую связано с визитом В. Путина в США в ноябре 2002 г. Среди тех, кто видит партнером США, преобладают женщины, молодежь, которые, в свою очередь, считают, что США не может быть нашим противником лишь потому, что именно их сближение с Россией предусматривает решение новых проблем международной безопасности. Последнее свидетельствует о том, что респонденты традиционно рассматривают сотрудничество двух ядерных государств как гарант международной безопасности. Интересен тот факт, что 32% сторонников партнерства России и США относятся к возрастной группе от 18 до 30 лет.

То, что США относят как к партнерам, так и к противникам, довольно точно прокомментировал один из опрошенных: понятия «партнер» и «противник» довольно условны: по сути, любая страна с мощным экономическим и военным потенциалом является одновременно и вероятным партнером, и противником. Так или иначе, с научной точки зрения большее значение в данном случае приобретает, как заметил В.А. Кременюк, факт «открытого проявления политики двойных стандартов»⁸⁸, отсюда и наше двойственное к США отношение. Теперь все зависит от того, насколько сильно американская правящая верхушка и общественность вобрали в себя то, что называется «синдромом победителя», который сложился вследствие неправильной трактовки окончания «холодной войны». Здравый смысл подсказывает, что это была окончательная победа одной идеологии – «демократии» над другой – «марксизмом-ленинизмом», однако тезис об этой победе был практически сразу же подменен тезисом о победе США⁸⁹.

Толчок к пониманию, безусловно, дали события 11 сентября. Очевидно то, что одна лишь экономическая мощь или те системы безопасности, которые существуют в НАТО и ЕС, не обеспечат защиту национальных

⁸⁸ Кременюк В.А. Указ.соч . С. 13.

⁸⁹ Там же.

интересов США и НАТО. В связи с этим террористическая угроза, проявившаяся со всей очевидностью 11 сентября, не только видоизменяет глобальные структуры безопасности, но и все больше принуждает Вашингтон и другие столицы крупных держав к исторической перестройке той системы безопасности, на которую Соединенные Штаты и их европейские союзники полагались на протяжении полувека⁹⁰. Ведь если для планирующих органов в военной штаб-квартире работа в далекие времена «холодной войны» была простой: одна танковая дивизия противостояла другой танковой дивизии, то сегодня ситуация постоянно меняется. «Мы должны понимать, что нам приходится считаться с угрозами, которые мы совершенно не можем определить», – говорит один дипломат, работающий в брюссельской штаб-квартире⁹³.

Поддержка Россией антитеррористической операции США говорит, в свою очередь, и о понимании президентом России В. Путиным того, что нашей стране не занять достойное место на мировой сцене, конфронтируя с Западом. Будучи прагматиком, он, как представляется, понимает, что если Россия и дальше хочет идти по пути модернизации, ей не обойтись без западных кредитов и военных технологий.

Ведь качественно новые вызовы безопасности, с которыми столкнулось мировое сообщество, требуют совместных усилий всех цивилизованных стран. Ни Соединенным Штатам с их мощным экономическим потенциалом, ни, тем более, России, в ее нынешнем состоянии, с ними не справиться. А будущее нашей страны связано со стратегическим партнерством с Западом, с выстраиванием системы безопасности совместно с западными институтами (включая НАТО), а не против них. В новой ситуации большое значение приобретают такие вопросы, как роль международных институтов – НАТО, ЕС, ОБСЕ, отношения между ними и Россией, место России в системе европейской безопасности.

2. Отрицательное/положительное отношение к НАТО

«Если бы безопасность была рыночным продуктом, то было бы трудно найти ей лучшую торговую марку, чем НАТО»⁹², – считает один из американских авторов. Эти слова могут доказывать только то, что, по мнению Ю.П. Давыдова, «американская элита решила свою основную задачу (как по-

⁹⁰ Newhouse John. A New Alliance Could Nudge aside the Old // The Washington Post. 4.11.2001. P. B05. <http://www.washingtonpost.com>.

⁹¹ Там же.

⁹² Back to NATO's Future // The Wall Street Journal. <http://interactive.wsj.com>.

литическую, так и в сфере безопасности) в Европе – предотвратить возникновение здесь военно-политической силы, не только враждебной США, но и способной сокрушить их»⁹³. Главным инструментом достижения этой цели стала Организация Североатлантического договора (НАТО). С возникновением Атлантического мира начался новый отрезок в истории человечества, именуемый «холодной войной». На протяжении практически 50 лет блок НАТО выступал в роли стабилизатора разногласий между «двумя крайними версиями прогрессивизма – социализма и неоклассического капитализма», – пишет Сакакибара⁹⁴. С другой стороны, Североатлантический альянс являлся и одной из причин возникновения в 1953 г. Организации Варшавского договора, что закрепило раздел мира на два противоположных лагеря. И если Запад во главе с США расценивал НАТО как гарант своей безопасности и средство сдерживания Советского Союза, то СССР воспринимал блок как угрозу.

Поражение августовского путча 1991 г. в СССР знаменовало крушение «реального социализма», а это изменило ситуацию не только в России, но и в мире. Установился новый международный порядок. Наиболее поразительной чертой нового порядка, по словам американского политолога Ч. Краутхаммера, стала его однополярность и одновременное «избавление мира от западной гражданской войны между двумя версиями прогрессивизма, заслонявшими подлинно фундаментальный вопрос о существовании различных цивилизаций»⁹⁵.

Произошедшие события определенно потребовали пересмотра трансатлантических отношений и даже видения самого Североатлантического союза на новом этапе его существования, которому в новых условиях нужна какая-то иная ориентация, иные стратегия и смысл⁹⁶. Негативное отношение к расширению НАТО сложилось, главным образом, в России, которую удалось успокоить только благодаря специальной схеме консультаций, позволивших ей получить привилегированный доступ к НАТО.

Данные нашего опроса свидетельствуют о значительном числе респондентов – 35% (против 38,3% в 2000 г.), усматривающих в расширении альянса серьезную проблему для безопасности России. Увеличилось число барнаульцев, полагающих, что расширение НАТО ограничит экономическое и военно-политическое влияние России в СНГ и Восточной Евро-

⁹³ Давыдов Ю.П. Указ.соч. С. 12.

⁹⁴ Уткин А.И. Мир в XXI веке // США и Канада. 2000. №4. С. 7.

⁹⁵ Там же. С. 3, 7.

⁹⁶ Давыдов Ю.П. Указ.соч.С. 13–14.

пе (26,6% против 19,8% в 2000 г.). Причем, представители старшей возрастной группы, так же как и в 2000 г., опасаются угроз безопасности России в большей степени, чем, например, представители средней группы, которые также в большинстве говорят об ограничении российского влияния в СНГ и Восточной Европе.

Такое отношение к НАТО со стороны России вполне понятно. В существовании альянса заинтересованы, главным образом, США, так как присутствие вооруженных сил в самой Европе и за ее пределами действительно играет критически важную роль в деле защиты американских экономических интересов, которое стало бы неизмеримо более трудным, требующим еще больших усилий и затрат. Кроме того, правящая элита Западной Европы не способна в ряде случаев справиться с собственными проблемами и оставаться один на один с гигантскими по своим масштабам, но непредсказуемыми по своим последствиям потрясениям в Евразии. Пример – агрессия против Югославии в 1999 г., во время которой порядка 95–98% всех боевых операций, и самолетовылетов в том числе, делалось с использованием американской техники, новейших технологий, особенно в области боевого управления, связи и разведки. Значит, «вооруженные силы Западноевропейских стран неспособны вести современную войну – у них попросту отсутствует необходимый технологический потенциал, особенно в таких компонентах, как высокоточные боеприпасы, военно-транспортная авиация, системы боевого управления, разведки и связи»⁹⁷.

И, конечно же, самое главное – это изменение характера угроз в Европе. Благодаря докладу Программы развития ООН (ПР ООН) 1994 г. о развитии человека, отправной точкой которого стало расширенное толкование понятия «международная безопасность», к угрозам, помимо военных, были также отнесены новые, нетрадиционные. Среди них – дестабилизация экономики, истощение экологических ресурсов, инфекционные болезни, нарушение прав человека, угроза голода, незаконный оборот наркотиков, и другие – все то, что влияет на безопасность и благополучие личности⁹⁸. Сюда также можно отнести потоки беженцев, хлынувшие в ту или иную страну в результате кризиса центральной власти, техногенные катастрофы, произошедшие в результате потери контроля об-

⁹⁷ Россия и реалполитик // <http://www.inosmi.ru>.

⁹⁸ Ибрагимян Е. В. Проблемы международной безопасности и российско-канадские отношения // США и Канада. 2001 г. №10. С. 33.

щества и государства над состоянием своей научно-производственной сферы (новые черныбыли); интернационализация мафиозных структур; отмывание денег, подрывающее финансовую систему страны; поощрение (использование) тем или иным государством международного терроризма, предоставление ему баз на своей территории и технических возможностей; распространение ОМУ и т.д.

Таким образом, многие из вышеперечисленных угроз не попадают под ооновское их определение. Тем не менее, они представляют собой существенные вызовы безопасности не только государств Атлантического мира, но и России. Заметим, что, согласно данным нашего опроса, непримиримое отношение к НАТО характерно не для всех барнаульцев. Так, 16,4% респондентов оценивают расширение НАТО как возможность вступления России в альянс, считая, что это единственно верный способ вернуть былые позиции России и интегрироваться с Европой. Кстати, это на 12,4% больше, чем в 2000 г. Тот факт, что в этом году число сторонников сотрудничества с НАТО увеличилось, говорит о многом.

Силы НАТО практически не использовались в антитеррористической операции США в Афганистане, и в связи с этим возникли суждения, что Организация Североатлантического договора не имеет больше своего значения. По словам научного сотрудника Центра стратегических и международных исследований Селесты Волландер, «Признаков опасности существует великое множество. После 11 сентября ... соответствие НАТО своему основному предназначению находится под вопросом. Организация может стать ненужной. Возник мир с новой системой безопасности, с новыми задачами по обеспечению безопасности. После атак 11 сентября НАТО прибегла к Статье 5 своего Устава, однако Организация не стала инструментом, на который решили полагаться Соединенные Штаты для устранения возникшей угрозы»⁹⁹.

С одной стороны, может показаться странным, что Союз перед глазами всего мира демонстрирует бездеятельность после заявления о нападении на одного из его членов. Ведь, согласно Договору НАТО, только СБ ООН может сделать вывод, что «внешней угрозы» больше не существует. Однако, учитывая перманентный характер угрозы со стороны терроризма, никто не может сказать это с чистой совестью. Но мировому сообществу необходимо также и принять следующий факт. То, что альянс в борьбе против терроризма продолжает оставаться не у дел, имеет понятную причину.

⁹⁹ Friedman T.L. The End of NATO? // New York Times. 03.02.2002. <http://www.nytimes.com>.

Вооруженные силы США настолько превосходят в военном отношении остальных союзников, что им не нужна помощь НАТО. Наоборот, начни США свою операцию в рамках НАТО, и воевать им стало бы только тяжелее. В этом случае на каждое свое решение им бы пришлось получать одобрение органов НАТО, а такое возможно лишь в том случае, если свое согласие изъявляют все остальные 18 членов альянса¹⁰⁰. Именно этот случай дал четко понять реалии современного однополюсного мира.

Вопрос о будущем НАТО обсуждался в Бельгии в Лак-Женваль 21 января 2002 г. на конфиденциальной встрече послов при Организации Североатлантического договора (НАТО) и специалистов по вопросам безопасности. Как оказалось, участники встречи видят будущее НАТО далеко не в роспуске альянса. Они выдвигают следующие требования: «Если они радикально не перестроят альянс для борьбы с величайшей в мире угрозой – «пересечением террористических ячеек и оружия массового поражения (ОМП)» – НАТО может стать бесполезной и утратить американскую поддержку»¹⁰¹, – высказался американский сенатор Ричард Лугар. В связи с этим на очередной полугодовой встрече министров обороны стран НАТО в Брюсселе глава Пентагона Дональд Рамсфелд призвал НАТО адаптироваться к ситуации.

НАТО, как считают, может быть необходимым для поддержания и достижения мира в ходе таких миссий, как на Балканах, «предотвращение кризисов и отдельных актов терроризма в Европе, дальнейшее формирование так называемой европейской оборонной идентичности в рамках Европейского союза, которая будет не конкурировать с НАТО, а дополнять ее»¹⁰². Ведь если в альянсе сформируется своего рода «европейская фракция», то механизм согласования интересов в нем утратит гибкость и эффективность. В случае преобразования НАТО в структуру США – Европа сохранять контроль над союзниками США будет гораздо сложнее. Поэтому слухи о том, что в Европейском союзе начинают думать о том, не придать ли единой политике безопасности и оборонной политике ЕС более активный характер, не реальны. Ведь для США в этих условиях блок НАТО оказывается еще более необходимым, чем ранее.

¹⁰⁰ Vestring B. Die NATO in der Sinnkrise // Berliner Zeitung. 6.12.2001. <http://www.berlinonline.de>.

¹⁰¹ Kempe F. Lugar's Doctrine for NATO // The Wall Street Journal. 21.01.2001. <http://interactive.wsj.com>.

¹⁰² Пархалина Т.Г. Европейская безопасность: Какой она видится сегодня? Опубликовано на сайте Центра по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН. <http://www.inion.ru>.

Им нужно иметь наряду с неформальной широкой коалицией и официальный военный союз. Единственное, что нужно сделать – это трансформировать и адаптировать Организацию к новой ситуации.

Одним из этапов трансформации НАТО в новую структуру, способную отвечать новым вызовам безопасности, является тенденция, которая сегодня наблюдается в Европе – развитие сотрудничества с Россией. Скорее всего, будут происходить очевидные вещи – не игнорирование интересов России, а учет ее интересов в национальной безопасности, учет ее специфики (Чечня). То есть, чеченский конфликт стоит рассматривать как курдский конфликт в Турции, который всегда доставлял американцам головную боль¹⁰³.

Таким образом, положительное восприятие частью респондентов Североатлантического блока может быть связано с качественно новым уровнем отношений России и НАТО. Тот факт, что во время визита В. Путина в Брюссель в начале октября 2001 г. и встречи с Генеральным секретарем НАТО Дж. Робертсоном была достигнута договоренность о создании некоего рабочего органа, который способствовал бы переводу отношений Россия – НАТО на качественно новый уровень, следует оценить как крайне позитивный. Сейчас главное, чтобы эта инициатива не ушла «в песок», не растворилась в кабинетах бюрократии с обеих сторон. Россия может быть включена в процесс стратегического планирования, в обсуждение вопросов, связанных с производством определенных видов вооружений, с более активным участием России в миротворческих операциях и т.д.¹⁰⁴

Выше говорилось о тенденции к глобализации международных отношений. Одна из основных задач атлантического партнерства – убедить остальной мир в том, что ему выгоднее следовать международным нормам и установлениям, чем игнорировать их, а также продемонстрировать, что обеспечение безопасности того или иного государства более эффективно в рамках интернациональных, нежели национальных структур, и что наиболее эффективной такой интернациональной структурой сегодня является НАТО¹⁰⁵.

Вопрос о членстве России в НАТО, так бурно обсуждаемый последнее время, не вошел в телефонное интервью. Нам хотелось бы отметить,

¹⁰³ Пархалина Т.Г. Указ. соч.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

что вокруг него существует много спекуляций, недопонимания или просто непрофессиональных досужих рассуждений. Конечно, НАТО заявляет, что двери открыты для всех. Но, по-видимому, альянс сегодня не готов принять Россию: он не готов распространить статью 5 Вашингтонского договора на российские восточные границы, не готов инкорпорировать сложнейшие социально-экономические проблемы нашей страны, наконец, после высказываний ряда российских политиков о том, что «НАТО – это преступная организация», сделанных в ходе Косовского кризиса, не готов поверить, что это долгосрочная стратегия, а не тактический маневр.

Представляется, что на сегодняшний день реально и целесообразно говорить пока не о членстве России в НАТО, а о некоем договоре между НАТО и Россией, т.е. о юридически обязывающем документе, который может прийти на смену основополагающему акту НАТО – Россия, в ходе реализации которого и Россия, и НАТО могли бы понять, готовы ли они к такому «браку по расчету» (которые, как известно, иногда оказываются долговечнее, чем «браки по любви») ¹⁰⁶.

Итак, до событий 11 сентября развитие сотрудничества Запада с Россией сводилось к тому, чтобы убедить ее играть по своим правилам и на своих условиях. Логика была довольно проста: не являясь членами клуба, вы не имеете права вето. Или еще один постулат: мы готовы развивать сотрудничество, но в зависимости от того, какого прогресса достигла Россия в деле демократического реформирования экономики и общества. В результате по большинству спорных вопросов Запад либо «дожимал» Россию, которая сдавала позиции, либо Россия проявляла упорство в отстаивании собственных интересов и оказывалась в оппозиции Западу. И то, и другое затрудняло диалог нашей страны и Большой Европы, так как не позволяло рассчитывать на Россию как на стабильного и предсказуемого партнера ¹⁰⁷.

Однако сегодня появились общие стратегические цели для России и для Запада, а значит, необходимо создавать общие механизмы для их реализации. Если Запад заинтересован в демократической России, – необходимо вместо дозированного сотрудничества активно включать ее в демократическое пространство и сообщество. «Ирония в том, что мы оба нуждаемся друг в друге» ¹⁰⁸, – говорит один дипломат НАТО.

¹⁰⁶ Пархалина Т.Г. Указ. соч.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Dempsey J. Joining Forces – Russia – NATO // The Financial Times. England. 21.11.2001. <http://news.ft.com>.

В. Путин не сделал соглашения по противоракетной обороне камнем преткновения, а заявив о неизменности российской позиции по вопросу расширения НАТО, в то же время внес в нее крайне важную поправку: несмотря на несогласие России с политикой расширения, это не должно продуцировать деструктивные эффекты в ее отношениях с НАТО. По сути, принято единственно верное, конструктивное решение – бороться не против расширения, но за свои интересы. А интересы эти связаны с развитием партнерских отношений с Западом и с НАТО в частности, с формированием совместных механизмов выработки и принятия решений по ключевым проблемам безопасности, представляющим общий интерес, с выходом на этой основе на совместные или скоординированные действия.

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о том, что в последнее время произошла заметная переориентация внешней политики России на Запад, связанная с осознанием того, что создание системы европейской безопасности требует непосредственного участия России.. В то же время результаты опроса свидетельствуют о том, что в обществе по-прежнему отсутствует единство мнений по принципиальному вопросу об оптимальном пути развития России в условиях новой геополитической ситуации. Так, молодежь видит будущее нашей страны в стратегическом партнерстве с Европой и Америкой, в выстраивании новой модели отношений совместно с западными институтами, а не в конфронтации с ними, так как качественно новые вызовы безопасности, с которыми столкнулось мировое сообщество, требуют совместных усилий всех цивилизованных стран. В то же время старшее поколение придерживается традиционных для советского времени взглядов.

Очевидно, что даже те, кто считает себя победителями в «холодной войне» и хозяевами «нового мирового порядка», вынуждены весьма искусно маневрировать в своих отношениях с Москвой, понимая, что Россия, при всей ее нынешней специфике, – это все же не страна «третьего мира». Трезвомыслящие политики на Западе понимают необходимость действовать осторожно и воздерживаться от того, что способствует изоляции Москвы. Попытки ослабить темпы диалога или задержать интеграцию России в международные институты лишь сделают Россию склонной к «реваншизму», проявляющей еще меньшую готовность к сотрудничеству. Ведь, по сути дела, на Западе также понимают, что без эффективного российско-американского сотрудничества невозможно урегулировать ни одну крупную международную проблему.

Исакова С.Н.
МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ И
АВСТРИЙСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ

После событий 11 сентября 2001 г. в США вопросы безопасности приобрели главное значение во всем мире. Стало очевидным, что категория «безопасность» уже не относится только к сфере военной угрозы, а включает более масштабный и более сложный комплекс вопросов, в том числе борьбу с международным терроризмом и преступностью. Это требует соответствующего расширения спектра подходов, инструментов и участников, как в национальном, так и в международном плане.

Проблемы безопасности волнуют и такие державы, как Австрия, которая имеет статус нейтральной страны. В австрийских политических кругах развернулась острая дискуссия о соответствии политики нейтралитета внешнеполитическим интересам страны. Говоря иначе, речь идет об эффективности прежнего внешнеполитического курса в новых международных условиях.

Пересмотр политики обычно начинается с анализа исторического опыта. В случае с Австрией ревизия внешней политики связана с проблемой происхождения австрийского нейтралитета.

Известно, что после Второй мировой войны Советский Союз связывал окончательное согласие на подписание Договора об австрийской государственности с условием, что Австрия должна стать нейтральной. Это не совсем устраивало австрийское правительство, которое соглашалось с запретом на вступление в военные союзы и размещение на своей территории военных баз, но при этом хотело избежать слишком далеко идущих политических и экономических последствий, которые влечет за собой подлинный нейтралитет, да и западные страны (США, Франция и Великобритания) не были заинтересованы в нейтралитете Австрии.

В итоге, в июле-сентябре 1953 г. госдепартамент США и американское посольство в Вене разработали документ об основных условиях, при которых американцы и их западные союзники были готовы одобрить нейтралитет Австрии. Эти условия фактически противоречили определению нейтралитета по нормам международного права, так как предполагали одностороннее решение самой Австрии участвовать в политическом, экономическом, культурном объединении Европы, а также нейтралитет не связывался с гарантиями со стороны четырех стран-союзниц. Именно гарантии должны были стать основанием законности нового международного статуса Австрии.

Эти обстоятельства привели к тому, что Австрия сразу же после объявления о своем нейтралитете вступила в ООН, а австрийский Национальный совет постоянно стал издавать законы, которые систематически ограничивали закон о нейтралитете, например, о том, что участие в мероприятиях Совета безопасности ООН ставится выше, чем позиция нейтралитета.

Это также объясняет и сегодняшние различия в подходах к проблеме смены внешнеполитического курса среди представителей как коалиционного правительства, в которое вошли представители Австрийской партии свободы (АПС), Австрийская народная партия (АНП), так и среди представителей оппозиции, которую составляют Социал-демократическая партия Австрии (СДПА), «Зеленая альтернатива» («ЗА»), Либеральный форум, Коммунистическая партия Австрии (КПА).

Единственным последовательным противником любых военных альянсов остается лишь австрийская партия «зеленых», которая отдает большее предпочтение либо активному нейтралитету, предполагающему политику посредничества, либо созданию модели мирных зон.

Остальные партии одобряют новый внешнеполитический курс страны, направленный, прежде всего, на сотрудничество с европейскими структурами безопасности.

Новый официальный внешнеполитический курс австрийского правительства уже начинает претворяться в жизнь и приносит первые результаты. Уже точно определена доля Австрии в системе создающихся в Европе в 2003 г. сил быстрого реагирования (ЕСБР), которая составляет 2 тыс. чел. сухопутной армии. Помимо этого участия в создании европейского военного блока предусматривается также выступать за эффективное сотрудничество между ЕС и НАТО с целью повышения международной безопасности.

Что касается политики нейтралитета, то в новом внешнеполитическом курсе указывается, что она должна быть пересмотрена таким образом, чтобы не могла препятствовать развитию сотрудничества на вышеуказанных направлениях.

Учитывая характер происхождения австрийского нейтралитета, фактически навязанного, представляется достаточно обоснованным новый внешнеполитический курс Австрии. Однако в силу того, что нейтралитет очень сильно укоренился в сознании широких слоев населения, в нынешний исторический период вряд ли следует ожидать прямого отказа от этого международно-правового института. Нельзя отрицать, что под воздействием кардинальных перемен в мире нейтралитет претерпел изменения в сторону огра-

ничения его содержания, что, в сущности, не исключает его существования вообще, так как всегда должен быть независимый арбитр, объективно отвечающий на возникающие в мире ситуации. Другой вопрос – будут ли признавать мнение такого арбитра международные террористы.

Таким образом, новый австрийский курс в сфере безопасности – это попытка подстроиться к новой системе безопасности Европы, цель которой состоит не в создании нового баланса сил и в отказе от ее рассмотрения в военно-политических категориях, а разработка ответов на новые вызовы безопасности.

Козулин В.Н.

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАПАДНОГО СТЕРЕОТИПА ВОСПРИЯТИЯ МУСУЛЬМАНИНА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Формирование негативных стереотипов (т.е. устойчивых, наследуемых поколениями образов) чужих культур своими корнями восходит еще к первобытному человеческому сознанию, которое характеризовалось отождествлением всего чужого с враждебным миром¹⁰⁹. Но насыщение этих стереотипов конкретной мотивацией и возникновение предубеждений относительно конкретных народов или культур целиком и полностью зависит уже от истории международных и межкультурных отношений. При этом важно заметить, что однажды сложившиеся под воздействием тех или иных исторических обстоятельств образы становятся невероятно устойчивыми, традиционными, и впоследствии слабо подвержены изменению. Таков, безусловно, и образ мусульманина, который начал формироваться в западной традиции сразу же после появления ислама и окончательно упрочился во времена крестовых походов¹¹⁰. Последующие этапы истории взаимоотношений западной культуры с мусульманской лишь незначительно корректировали этот образ.

¹⁰⁹ См.: Кон И.С. Психология предрассудка // Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия. Минск, 1998. С. 31; Копелев Л.З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 12, 17; Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 253; Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага» // Психология... С. 195, 198.

¹¹⁰ О формировании образа мусульманина и мусульманства в западной традиции см.: Daniel H. Islam and the West, the Making of Image. Edinborough, 1960; Schwoebel R. The Shadow of the Crescent, the Renaissance Image of the Turk. Nieukoop, 1967; Sýnac Ph. L'image de l'autre: L'Occident mýdieval face a l'Islam. Flammarion, 1983; Лучицкая С.И. Араб глазами франка // Одиссей... С. 19–37.

Со времен античности вплоть до наших дней Запад и Восток зачастую ощущали друг друга антиподами. Под современным «Западом» следует понимать ту в значительной степени единую, обладающую очень многими общими культурными ценностями евро-американскую цивилизацию, которая возникла в Новое время на базе античной и западно-христианской цивилизаций. Во времена античности дихотомия Запада и Востока шла по линии политической и культурной. Восточные «варвары» (этим словом обозначались все чужие народы) противопоставлялись «свободным» и «цивилизованным» античным гражданам как люди несвободные, живущие в деспотических режимах и нецивилизованные.

В средние века, с возникновением ислама, эта дихотомия пошла по религиозной линии. Мусульмане стали противопоставляться европейским христианам как иноверцы, часто отождествлявшиеся с язычниками. Магомет представлялся самим Антихристом или, по крайней мере, его предтечей. Во времена крестовых походов отношение к исламу еще более ужесточилось – вероятно, под воздействием воинственного духа тех времен, а также под воздействием увиденных сцен глумления над христианскими святынями и насилия над христианами. Ислам стал противопоставляться христианству как религия насилия – религии любви и мира¹¹¹.

Интересно, что столкновение двух противоположных культур во время крестовых походов и осознание европейцами всей «инаковости» мусульманской культуры породили не одно только категорическое неприятие ее, но и «прятие», по крайней мере, довольно заинтересованное восприятие отдельных экзотических обычаев и традиций мусульман¹¹².

В целом, хронисты крестовых походов разделяли стереотипы, сложившиеся в отношении ислама и мусульман в латинской и византийской традиции еще задолго до крестовых походов. Но под влиянием подстегнутой восточной экзотикой фантазии этот образ в сочинениях хронистов оброс дополнительным колоритом. По этому поводу немецкий историк крестовых походов Г. Прутц заметил, что «образ Магомета и его учения, который создали христиане Запада, чем дальше, тем больше становился неясным благодаря грубым вымыслам и, наконец, полностью был искажен бредовыми представлениями и злой клеветой...»¹¹³.

¹¹¹ См.: Лучицкая С.И. Указ. соч. С. 20–23, 26–29.

¹¹² См.: Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1990. С. 73.

¹¹³ Prutz H. Kulturgeschichte der Kreuzzuege. В., 1883. S. 73. – Цит. по: Лучицкая С.И. Указ. соч. С. 19.

Вместе с тем, особый интерес для нашего современника представляет описание одним из хронистов – Гильомом Тирским – «измаилитской» секты (шиитского толка) ассасинов. От арабского названия этой секты происходит слово «гашиш», так как именно ее последователи ввели в употребление этот наркотик – для вызывания в сознании картин райского блаженства, ожидающего истинного мусульманина за подвиги во имя веры. Вождь ассасинов Хасан-ибн-Сабах, по сообщению хрониста, вербовал из своих приверженцев так называемых «федави» – людей, готовых идти на смерть во имя веры, которые очень напоминают гораздо более современных и гораздо более известных «шахидов». По указанию своего главаря ассасины совершали внезапные убийства неудобных правителей и наместников, т.е. фактически, говоря современным языком, занимались террористическими актами. Отсюда возникает естественный вопрос: «Неужели ислам, по крайней мере, в своих определенных формах, располагает людей к насилию и даже терроризму?»

Вопрос этот сложный, и ответ на него не входит в наши задачи. Позволим себе лишь заметить, что любая религия (и даже шире, любая идеология), наверное, может быть использована в экстремистских целях. Взять хотя бы тех же воинственных крестоносцев, действовавших от имени христианской церкви по велению отдельных ее представителей. Возможно, причиной появления «террористических» сект в исламе еще в XI в. послужил определенный кризис этой цивилизации после завоевания ее отсталыми и воинственными племенами турок-сельджуков. Турки приняли ислам в самой элементарной форме. С тех пор развитая арабская мусульманская культура пришла в запустение. Турки словно сообщили исламу свой «турецкий» воинственный дух. Неслучайно именно турки, по их собственному признанию, вплоть до новейших времен, воспринимались представителями западной цивилизации как «фанатики, способные чинить зверства»¹¹⁴.

Еще большее значение для складывания образа мусульманина как «жесточкого фанатика» и «террориста» имело появление так называемого «исламского фундаментализма»¹¹⁵ и соответствующих этой идеологии экстремистских исламских организаций, совершивших уже многие громкие акты террора. Эти исторические события, безусловно, воскрешают

¹¹⁴ Канадеев И.К. Очерки закавказской жизни. СПб., 1902. С. 34.

¹¹⁵ См. об этом явлении интересную статью: Ланда Р.Г. Исламский фундаментализм // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 32 – 41.

на Западе глубоко укоренившийся здесь образ ислама как религии насилия, а мусульманина как врага человеческого рода. Причина же расцвета исламского экстремизма в новейшее время коренится, в свою очередь, в истории последних двух столетий, связанной с повсеместным натиском западной культуры и западных ценностей, сильно затронувших и мусульманский мир, с явлениями колонизации и вестернизации.

По сравнению с современной западной культурой мусульманский мир остается очень консервативным и многие вещи категорически не приемлет. Только турки благодаря идеологии кемализма смогли в значительной степени «модернизироваться». Во многих других мусульманских странах реакцией на вестернизацию был приход к власти крайне ортодоксальных (фундаменталистских) сил ислама. Такова история Ирана и Афганистана последних десятилетий XX в. Очевидно, наплыв западной культуры был воспринят многими мусульманами как угроза своей собственной цивилизации, что удачно резонировало с давнишней идеей джихада, необходимости «священной войны» против неверных.

Однако не следует ассоциировать активно формирующийся ныне образ мусульманина как завязанного террориста исключительно с исламскими корнями. Между прочим, понятие «терроризм» возникло в недрах западной культуры. Это явление зародилось в революционной Франции в период якобинской диктатуры и в дальнейшем активно использовалось всякого рода революционерами. Сейчас терроризм, как и вообще экстремизм, «процветает» во всем мире. А исламские террористы отличаются от прочих разве лишь большим количеством среди них добровольных смертников, чему, определенно, благоприятствует исламская идеология.

Таким образом, негативный образ мусульманина на Западе начал складываться сразу после появления ислама – религии, представлявшей своей изначальной завоевательной агрессией против христиан видимую угрозу для христианства. Дальнейшие контакты европейской и мусульманской цивилизаций, с одной стороны, упрочивали этот сложившийся заранее негативный стереотип, а с другой стороны, способствовали и культурному диалогу, стремлению познать и соотнести со своей чужую экзотическую культуру. Как известно, мусульманская культура, особенно во времена крестовых походов, оказала существенное влияние на европейскую.

В XX в. произошли события, в значительной мере напомнившие столкновение западного мира с исламским в эпоху крестовых походов. Во-первых, это сильнейший наплыв западной культуры, связанный с расширением средств массовых коммуникаций в XX в. и вообще с расширени-

ем международных контактов. Во-вторых, это образование государства Израиль и переселение евреев – носителей, в общем, западной культуры¹¹⁶, на арабские территории (в Палестину), что привело к естественно-му недовольству арабов, вызвавшему долговременные трагические последствия для молодого Израиля и для всего мира. В этих событиях кроется причина невероятно возросшего в XX столетии (и продолжающего расти уже в XXI в.) исламского экстремизма и терроризма. Конкретные же исторические события, свидетельствующие об этом росте (такие, например, как исламская революция в Иране, установление режимов Каддафи в Ливии и Саддама Хусейна в Ираке, приход к власти талибов в Афганистане, чеченский терроризм, другие акты мусульманского террора по всему миру и, наконец, жесточайший теракт 11 сентября прошлого года в США), безусловно, приводят к возрождению на Западе исключительно негативного образа мусульманина и ислама.

Курныкин О.Ю.

ТЕРРОРИЗМ: ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

1. Террор как метод достижения политических или иных целей путем насилия над отдельными личностями, этническими, конфессиональными, социальными группами или целыми классами известен с самых ранних эпох истории человечества. Широкое применение террора в разных исторических условиях и в обществах с различными социокультурными (цивилизационными) характеристиками во многом обусловлено действительной или кажущейся его эффективностью, технологической простотой, «быстродействием». Диапазон использования террора существенно расширяется в периоды глубоких социальных потрясений, когда снижается «порог чувствительности» социума к насилию, предпринимаются попытки идеологического и даже нравственного оправдания последнего, вокруг террора может создаваться некий «романтический ореол». Вместе с тем по мере выработки обществом механизмов саморегулирования на основе компромиссного согласования разновекторных индивидуальных и групповых интересов (на базе демократических процедур) террор постепенно лишается санкции со стороны подавляющей части общества и маргинализируется, отнюдь не исчезая совсем из политической практики.

Вместе с тем с последних десятилетий XX в. наблюдается нарастание «террористической волны», своевременно и адекватно не оцененной мировым сообществом (по данным госдепартамента США, на протяжении последних двух десятилетий прошедшего столетия в мире ежегодно

¹¹⁶ Ср.: Воронель А. Евреи среди арабов // Психология... С. 489.

совершалось в среднем по полтысячи террористических актов). Лишь после катастрофических по своим последствиям событий в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. о терроризме заговорили как о «чуме XXI вв.». Несомненно, современному террору присущи качественно новые характеристики: 1) в соответствии с духом времени происходит глобализация терроризма, наблюдается масштабный трансграничный переток боевиков, оружия, финансовых средств, координация и взаимодействие различных (по национально-территориальной принадлежности) террористических организаций в планировании и осуществлении тех или иных операций; 2) целенаправленно и цинично скорректирована адресность терактов – их жертвами в основном становятся не видные политические фигуры, а случайные обыватели, что имеет целью запугать общество и подчеркнуть унизительное бессилие государственных структур; 3) освоение все более «высокотехнологичных» средств при осуществлении терактов (вполне мыслима ситуация, когда преступники, в том числе «идейные», получают доступ к ядерному оружию или используют для достижения своих целей ресурсы Интернета); 4) связь терроризма с оргпреступностью, прежде всего, с наркобизнесом и торговлей оружием; 5) на смену «революционных», «освободительных» облачений терроризма, ставших менее привлекательными, он все чаще выступает под религиозными лозунгами, что не может не вызывать особую тревогу.

Попытки придать терроризму религиозный характер не случайны, они налагаются на общую ситуацию религиозного возрожденчества, столь характерную для современного, прежде всего, западного мира. Среди исследователей нет однозначных ответов на вопросы в связи с проблемой «террор и религия». Немалая их часть усматривает в придании современному терроризму религиозной (главным образом, исламской) окраски результат целенаправленного информационного воздействия и религиозной малограмотности широких слоев общества, особенно за пределами мусульманского ареала. Небезосновательно указывается на опасность формирования негативного образа мусульман как потенциальных террористов, что может подтолкнуть мир к расколу и пресловутому столкновению цивилизаций (по С. Хантингтону).

Вместе с тем не меньшей ошибкой, думается, была бы недооценка конфессиональной составляющей современного терроризма. Очевидно, что наибольшая концентрация конфликтогенного потенциала в современном мире наблюдается в обширном регионе распространения ислама. Многие события здесь невозможно понять вне контекста «глобального

контрнаступления ислама», по выражению Г.С. Померанца. Исламу, самой молодой из мировых религий, наиболее присущ дух прозелитизма, а своеобразие исламского вероучения (в частности, отсутствие деления на светское и духовное начало) обуславливало изначальную политизированность этой религии, ее нацеленность на контроль над государственными структурами. Мессианские настроения, обостренные унижением для правоверных доминированием западных (христианских) стран на протяжении нескольких столетий, порождают духовно-политическую ситуацию, благоприятную для проявления экстремизма под религиозными лозунгами. Причем, этот экстремизм может иметь как внутреннюю направленность (борьба со светскими режимами и переустройство общества на исламских основах), так и внешнюю – на территориальное расширение мира ислама и борьбу с глобальным лидерством США и их сторонников. Разумеется, это не дает оснований для обвинений ислама и исламской цивилизации в изначальных «террористических» чертах. Но не может не обращать на себя внимание то, как столь выраженный в исламе культ жертвенности трансформируется и находит трагическое воплощение в акциях палестинских «шахидов», взрывающих себя в толпе мирных израильтян, или арабских летчиков, уничтоживших несколько тысяч человек в Нью-Йорке и Вашингтоне.

При общем эмоционально-негативном восприятии терроризма среди подавляющей части людей, независимо от вероисповедания и политических ориентиров, мировое сообщество в полной мере не осознало всю степень опасности террористической угрозы и не нашло адекватных ответов на этот вызов. Очевидно, что уповать только лишь на повышение эффективности деятельности органов спецслужб в нейтрализации этой угрозы не приходится. Необходимы политическая воля государственных руководителей и консолидация мирового общественного мнения в неприятии террористических методов. Прежде всего, речь идет о преодолении «двойных стандартов» в оценках тех или иных движений и организаций, использующих террор в политических, пусть даже «национально-освободительных» или иных «благородных» целях. Политики должны отказаться от контактов с теми, кто явно или негласно вовлечен в террористическую деятельность. Выявление социальных корней терроризма должно быть направлено на преодоление этого трагического и дестабилизирующего явления, а не служить косвенным оправданием его существования как некоей «дубинки» в борьбе против доминирования Запада (это не исключает необходимости для политической элиты наиболее благополучных стран коррек-

тировки взаимоотношений с остальным миром). Крайне важным, на наш взгляд, было бы внятное, не поддающееся двойному толкованию осуждение терроризма со стороны самых авторитетных духовных лидеров всех основных религиозных конфессий. Все это позволило бы превратить тех, кто вовлечен в террористическую деятельность, в подлинных изгоев мирового сообщества. Нынешний всплеск терроризма, имеющий корни в социальных процессах, по сути, стал своеобразным испытанием на зрелость для современной цивилизации.

Маркедонов С.М.

ЧЕЧЕНСКИЙ ВЫЗОВ: МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ

«Чеченский вопрос» стал первым серьезным испытанием на прочность для посткоммунистической России. Едва отразив попытки коммунистической реставрации, молодое российское государство, провозгласившее своими приоритетами свободу, демократию и верховенство права, столкнулось с вызовом иного качества – сепаратизмом. И сегодня, спустя десять лет, будущее Российской Федерации как федеративного и правового государственного образования во многом зависит от того, насколько адекватным будет «ответ» на столь непростой вызов. Анализируя чеченский «вызов», легко поддаться журналистскому соблазну, что объяснимо. Источниковая база исследования для историка современной Чечни ограничена опубликованными материалами (прежде всего, газетными и журнальными публикациями, интервью для ТВ- и радиопрограмм главных действующих лиц чеченской трагедии, их мемуарами). Сколько бы ни говорили российские и зарубежные ученые о научной объективности и беспристрастности в изучении новейшей чеченской истории, очевидно, что степень «отстраненности» автора от исследуемого материала будет минимальной. Для большей части российских политологов «федеральные войска», «боевики», «беженцы» – не отвлеченные понятия и журналистские конструкции.

Настоящий доклад – не очередная попытка добротнo изложить эмпирический материал, дать еще одну хронологию событий в Чечне за последнее десятилетие и выработать «практические рекомендации» по устояновлению мира в многострадальной республике. Цель автора иная. Анализ этнополитической ситуации в Чечне породил и в России, и в Европе, и в США многочисленные «идолы разума» (клише, дефиниции, искусственно сконструированные оппозиции), с успехом заменившие собой ис-

следование реальных политических процессов в «мятежной республике». В последнее десятилетие в сообществе политологов стало правилом хорошего тона говорить о выводе российских войск из Чечни, переговорах российской власти и чеченских комбатантов как важных предпосылках для установления мира. Заключение формальных соглашений, отказ от применения силы по отношению к сепаратистам рассматриваются как синонимы либерального подхода к разрешению «чеченского вопроса», тогда как призывы к «войне до победного конца» трактуются исключительно как проявления великодержавного шовинизма и антидемократизма. «Голуби» противопоставляются «ястребам» с неизменной демонизацией последних и отказом от понимания подлинной мотивации их позиции. Из монографии в монографию, из статьи в статью кочуют конструкции «первая чеченская война», «вторая чеченская война», «межвоенные периоды», «периоды мира». Увы, но «идеал-типические» конструкции зачастую не «сверяются» с фактическим материалом, а, следовательно, не наполняются реальным содержанием. Одной из главных своих задач автор настоящей статьи видит критический анализ бинарной оппозиции «мир-война», ставшей аксиомой отечественной и зарубежной политологии и историографии «чеченского вопроса». Что такое «мир» в республике, если из нее бегут ради сохранения собственной жизни 220 тыс. человек? Можно ли считать синонимами понятия «мир» и «рабство», «мир» и «похищения людей»? Может ли война стать предпосылкой для политической либерализации и установления «диктатуры закона»? Попыткой ответа на эти вопросы, ни в коей мере не претендующей на постановку окончательного «диагноза», является предлагаемый доклад.

Чечня – площадка для постмодернистских концепций. Постмодернисты всего мира даже не подозревают, какой благодатной почвой для их построений («интеллектуальных игрушек») является современная Чечня. Практически ни одна закономерность, ни одно общепринятое определение здесь не работает. Возьмем для примера наиболее простые и не требующие развернутого обоснования понятия «мир» и «война». В традиционном понимании это – тезис и антитезис. Мир – это безопасность, стабильность, спокойствие. Война же, напротив, выступает синонимом насилия, гибели и разрушения. События последнего десятилетия в Чечне перевернули с ног на голову традиционную антитезу. Анализируя «чеченский кризис», политологи высказывают мысль о его «циклическом характере», чередовании мирной и военной фаз.

Следуя подобной логике, мы должны рассматривать «довоенный» (1991–1994 гг.) и «межвоенный» (1996–1999 гг.) периоды как периоды мира в «мятежной республике». Между тем, даже поверхностный анализ реальных событий тех лет показывает, что подобная оценка, мягко говоря, не выдерживает критики. Два «мирных» периода в Чечне – это складывание криминально-этнократического режима на территории одного из субъектов РФ, массовые ограбления и убийства, прекращение вследствие разбойных нападений регулярного железнодорожного сообщения, вытеснение нечеченского населения. По данным последней Всесоюзной переписи 1989 г., в Чечено-Ингушской АССР проживало 294 тыс. русских. Число же русских беженцев из «мятежной республики» определяется в 220 тыс. человек. Количество погибших в «мирные годы» оценивается приблизительно в 25 тыс. чел. Пик исхода русского населения приходится на первые годы ичкерийского революционного эксперимента, т.е. на «годы мира». Этнической дискриминации подверглись не только русские. Исход ногайского населения из Шелковского района – прекрасная иллюстрация реализации «мирного сценария» по-ичкерийски.

В соседних с «мятежной республикой» территориях «годы мира» совпали с резким всплеском криминальной напряженности (убийства и похищения людей, угон скота, техники и пр.). По сути дела, геополитическая ситуация в сопредельных с Чечней регионах вернулась к началу XIX в. Те же набеги абреков, только с мобильными телефонами. В «мирные годы» получила развитие т.н. «чеченская колонизация», процесс, так и не ставший предметом серьезного политологического анализа. Запустевшие в результате набегов новых абреков ставропольские земли (в наибольшей степени Курской район) стали заселяться чеченскими колонистами, которые, естественно, получали «карт-бланш» от их вооруженных соплеменников. «Мирные годы» не прошли и без вооруженного противостояния ичкерийских революционеров и частей российской армии. В 1997–1999 гг. российская 136-я бригада в Буйнакске неоднократно становилась объектом нападений со стороны боевиков. Местные специалисты тут же отметили любопытное совпадение – набеги на воинскую часть происходили одновременно «с выпусками диверсионных школ Хаттаба (своего рода практические занятия или экзамены для выпускников)».

В докладе хотелось бы обратить внимание на тот факт, что Хасавюртовские соглашения были нарушены ичкерийской стороной уже через три недели после их подписания (Чечня в одностороннем порядке определила свой статус, введя шариатское судопроизводство и правовые нормы исламской республики).

Отдельного разговора заслуживает «второе издание рабовладельчества» в мятежной республике. Количество рабов в независимой Ичкерии не поддается точному определению (по данным депутата Госдумы РФ от Чечни А. Аслаханова, число рабов в «мятежной республике» равняется 70 тыс. человек). Между тем, социально-экономическая «эффективность» рабства была продемонстрирована как раз в «мирные годы». В 1996–1999 гг. руками рабов возводилась стратегически важная для мятежной республики дорога в Грузию.

Экспорт ичкерийской революции в Дагестан в августе-сентябре 1999 г. и российский ответ открыли новый «военный период» чеченского кризиса. Говорить о том, что силовая акция принесла жителям Чечни и сопредельных территорий избавление от крайностей «мирной жизни», было бы неверно. Тем не менее, очевидно, что теракты и гибель военнослужащих и мирных жителей не есть особенности исключительно «второй чеченской кампании». Подобные эксцессы характерны для любой войны (силовой операции). Факты же свидетельствуют, что после сентября 1999 г. улучшилась криминальная обстановка в соседних с Чечней Дагестане и Ставрополье, уменьшились набеги новых абреков и случаи похищения людей. Постепенно происходит (несмотря на колоссальное давление и террористические акты со стороны сепаратистов) инкорпорирование пророссийски настроенной чеченской элиты в состав российской, а всей республики в состав РФ.

Таким образом, понятия «война» и «мир» применительно к ситуации в Чечне требуют серьезных дополнений и уточнений. Говорить об этих категориях как об отвлеченных идеальных типах невозможно. Необходимо четко определить, о каком мире, и какой войне идет речь. Слова «мир» и «война» на Кавказе требуют эпитетов. Очевидно, что для России и ее граждан (независимо от этнической и религиозной принадлежности) «ичкерийский мир» во сто крат хуже «российской войны», которая завершится миром, но уже на российских условиях.

В докладе предполагается рассмотрение причин неудачи ичкерийского государственного эксперимента в 1991–1994 и 1996–1999 гг. Автор предполагает также проанализировать альтернативные проекты по «замирению» Чеченской республики (сецессия, т.н. план Немцова по разделению горной и равнинной Чечни, идеи по обустройству российско-чеченской границы).

Монина Л.В.
К ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

Десятилетний период новейшей российской истории отмечен быстрой сменой внешнеполитических ориентиров, что явилось отражением стремительного изменения места и роли России в мире после окончания «холодной войны». Осмысление новой для России геополитической ситуации, ее национальных интересов и механизмов обеспечения национальной безопасности стало важной функцией отечественной политической науки. Большое количество работ, посвященных перечисленным проблемам, позволяет выявить основные подходы в исследовании внешней политики России и концепций национальной безопасности.

Национальная безопасность является важнейшей составляющей национальных интересов государства, элементом, обеспечивающим выживание и оптимальное существование государству и нации. Предполагаются внешний и внутренний аспекты национальной безопасности. В советский период главное внимание уделялось внешнему, т.е. обеспечению условий выживания и развития перед лицом внешних угроз. А под безопасностью понималась в основном (или исключительно) военная безопасность. В настоящее время рамки понятия раздвигаются: национальная безопасность понимается как комплексная и включает военную, экономическую, политическую, информационную, экологическую, продовольственную безопасность.

Развал Советского Союза, усиление сепаратизма внутри России заставили осознать важность внутренней составляющей национальной безопасности. В связи с этим были сформулированы две главные мысли: корни безопасности находятся внутри страны, в ее экономическом, политическом и морально-психологическом состоянии; стабильная экономика, стабильное общество, реальная и сильная внешняя политика – необходимые условия обеспечения безопасности.

Главной внутренней угрозой национальной безопасности России являются центробежные тенденции. Сепаратизм в России проявился на двух уровнях: территориальном (планы создания Уральской, Сибирской, Дальневосточной республик); национальном (Россия живет на пороховой бочке национального сепаратизма, способного разорвать государство изнутри).

Намечались способы преодоления центробежных тенденций, такие как:

- стабилизация режима, укрепление центральной власти;
- пересмотр Конституции, поскольку она, по мнению ряда авторов, поддерживает сепаратизм через закрепление принципов националь-

но-территориального деления страны и неравенства субъектов Федерации. Ошибочной признавалась политика Ельцина, «подпитавшая» национализм в период заключения договоров о разграничении прав.

Основные внешние угрозы национальной безопасности России в настоящее время видятся в следующем:

- международный исламский фундаментализм с его опорными базами на Кавказе;
- демографическое давление Китая (или АТР) на дальневосточные районы страны, что особенно опасно ввиду социально-экономического запустения этих районов и оттока населения; в перспективе это грозит потерей Дальнего Востока и больших пространств Сибири;
- продолжающееся ослабление влияния России в постсоветском пространстве, что делает проблематичной способность обеспечивать российские интересы и если не нейтрализовать, то держать под контролем исходящие оттуда угрозы;
- расширение НАТО, а по сути американского влияния на восток. Границы американского влияния приближаются вплотную к границам России. Протесты России против расширения Североатлантического альянса не были услышаны. На этом основании делался вывод: несмотря на отсутствие всеобъемлющей вражды и глобального соперничества, растет взаимное непонимание в фундаментальных вопросах безопасности.

Это непонимание в реальности оборачивалось игнорированием российской позиции, что, в свою очередь, объяснялось слабостью России. «США на каждом шагу демонстрируют, что слабых в этом мире не уважают и с ними не считаются» (А. Арбатов).

Война НАТО в Югославии в 1999 г. спровоцировала острый кризис в российско-американских отношениях. В российском обществе и политической элите наметилось сближение позиций, усиление антизападных и антиамериканских настроений. Хотя и в различной тональности, звучала критика действий НАТО на Балканах. Международная ситуация стала восприниматься как все более угрожающая для России. Усиливался пессимизм в оценках перспектив отношений с западными странами. «Надежды на общее движение к единой Европе рухнули окончательно» (Н. Могилевкин). В частности, подчеркивалось, что Запад пошел по пути укрепления и расширения уже имеющегося в его распоряжении механизма безопасности – НАТО. В формирующейся системе не было места России (или оно было очень неопределенно). В условиях однополярности это привело к усилению силовых факторов, а последние получили обо-

снование в положениях типа «гуманитарная интервенция». В результате НАТО превратился в экспансионистский союз.

Смена правящих лиц в США и России несколько смягчила остроту конфликта, хотя тон публикаций в 2000 г. в России изменился мало. Внимание авторов по-прежнему привлекала проблема взаимоотношений НАТО-Россия, подчеркивалась неприемлемость для России расширения зоны ответственности альянса и его внешних интервенций без санкций СБ ООН.

Сравнительно часто высказывалась мысль о том, что российские приоритеты в области безопасности, в том числе ее военно-политические аспекты, следует смещать на ЕС/ЗЕС. Таким образом, включение в «Большую Европу» оценивалось как реальная адекватная мера обеспечения национальной безопасности России в условиях растущей угрозы со стороны НАТО.

После событий 11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах интерес российского общества и политической науки к вопросам внешней политики государства резко усилился. Появилось большое количество публикаций, авторы которых предлагают свое видение современной международной ситуации и места и роли России в ней. Для нас важно выявить новые тенденции в понимании национальных интересов и национальной безопасности России, а также механизмов обеспечения безопасности.

Сразу после террористических актов в США в российской политической литературе преобладало мнение, что ситуация изменилась для России в лучшую сторону. У России появился шанс вернуть отчасти свое влияние на международной арене и быть принятой во внимание при решении ключевых вопросов мирового развития. Предполагалась и кардинальная трансформация российско-американских отношений. Это мнение обосновывалось заинтересованностью США в участии России в борьбе с международным терроризмом. «У России и США появился общий враг» (С. Рогов).

Международный терроризм был охарактеризован как новый серьезный вызов международной безопасности, хотя его новизна для России относительна. Она раньше других стран подверглась его атакам и первой указала на эту опасность. Просто ее не услышали. Подчеркивалась связь международного терроризма с чеченским сепаратизмом. Положительно оценивались подвижки в позиции США по чеченскому вопросу. Наконец, отмечалось, что разгром «Талибана» и организации бен Ладена соответствуют интересам России, т.к. уменьшают угрозу исламского экстремизма. Однако можно заметить настороженное отношение к появлению аме-

риканских военных на территории государств Центральной Азии. Настороженность и, может быть, разочарование нарастали по мере того, как становилось ясно, что США сохраняют жесткую позицию по ряду вопросов, затрагивающих интересы России.

Новым вызовом безопасности России явился выход США из Договора по ПРО. Не оправдались надежды части политической элиты на компромиссное решение по этому вопросу. Односторонний выход США был расценен, в частности, как конец действия международного права в том виде, в каком оно сложилось в предшествующую эпоху и как результат «головокружения от успехов» в войне в Афганистане.

Выход Соединенных Штатов из Договора накладывается еще на два важных обстоятельства. Во-первых, американская стратегия «адаптивно-го сдерживания», разработанная Республиканской партией, предусматривает сохранение (путем наращивания возвратного ядерного потенциала) и развитие (путем разработки нового малогабаритного ядерного боезапаса) ядерных сил, достаточных для ядерной войны и против крупных ядерных держав (в том числе России), и против государств, причисленных США к «оси зла».

Кроме того, США делают упор на развитии высокоточного обычного оружия, что обеспечит им отрыв в военной сфере от всего мира. НПРО закрепит это асимметричное положение США по отношению к другим странам и позволит им применять силу против любого государства. Иногда в публикациях открыто называются эти государства – Россия и Китай.

В литературе высказывается и отличная точка зрения: США должны защищать себя, и выход из ПРО – единственный реальный выбор, и «действия США не направлены против России», поскольку у России «есть адекватный ответ» (И. Бунин).

Сформулирована еще одна угроза национальной безопасности России – угроза попасть в зону чужого доминирования с соответствующей координацией внутренней политики (Г. Павловский).

Наконец, для России сохраняет свое значение угроза расширения НАТО на восток, которая сформулирована как вторая волна расширения с возможным включением в альянс стран Балтии. «Неблагодарные» Соединенные Штаты и не помышляют о моратории на расширение НАТО (А. Уткин). Однако у России в настоящий момент появились новые возможности. Она в состоянии сократить негативные последствия расширения альянса. Каким образом? Гипотетически можно представить вариант вступления России в НАТО или создание нового союза безопасности, что

по разным причинам трудно реализуемо. Оптимальным для России остается сотрудничество с НАТО «в формате 19+1» и получение доступа к процессу принятия решений в альянсе (С. Караганов).

Важнейшим механизмом обеспечения безопасности России называется интеграция с либерально-демократическими странами и открытыми экономическими системами Запада. Такая интеграция повысит безопасность России лучше, чем попытка создания конкурирующего с Западом центра силы. Европа – это ЕС, который постоянно расширяется. Не входить в ЕС – значит, быть вне Европы. Россия не может позволить захлопнуться окну, которое прорубил Петр I.

Третий вариант обеспечения безопасности России можно назвать традиционным. Это проведение модернизации российских ядерных сил (СЯС), безотлагательное осуществление испытаний МБР «Тополь-М». Но ни в коем случае при этом не добиваться паритета. «Наш ответ должен быть асимметричным» (В. Журкин, А. Кокошин, М. Носов, С. Рогов, Н. Шмелев).

Публикации отечественных авторов последних лет позволяют сделать следующий вывод. Относительная стабилизация социально-экономической и политической ситуации в России ослабила внимание к внутренней составляющей национальной безопасности. В настоящее время акцент делается на внешней безопасности. Изменяются оценки места и роли России в современном мире и механизмов обеспечения ее национальной безопасности от «пессимистических» к «осторожно оптимистическим». Отмечается как положительный фактор сотрудничество с США в борьбе с «террористическим интернационалом», но подчеркивается необходимость ориентироваться на свои собственные национальные интересы и недопустимость нового увлечения «американоцентризмом».

Москвин В.Н.
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ
В СВЕТЕ «РУССКОЙ ИДЕИ»

Новые геополитические реалии предъявляют повышенные требования к формированию возможных путей развития России. Это особенно актуально при рассмотрении внешнеполитической доктрины участия России в ВТО и международной антитеррористической коалиции. Важным аспектом в этих вопросах, на наш взгляд, может быть исторический и философский подход к оценке путей участия России в международном сообществе.

Тот факт, что мы сегодня вновь обращаемся к анализу современного состояния России, ее положения в мировом сообществе и ее будущего с позиции истории, культуры и ее двойного начала – рационального западного и эмоцио-

нального восточного, означает, что, вольно или невольно, мы должны затронуть «русскую идею». Тем более, если граничными условиями для анализа являются глобализация, разделение сфер влияния и, в особенности, терроризм.

Однако сегодняшняя трактовка «русской идеи» как внутри России, так и за рубежом значительно трансформировалась. Ведь те потрясения, которые происходят в мире, коснулись в значительной степени и России. И если раньше «русская идея» касалась только россиян, выдвинулась и обсуждалась только русскими философами, например, Ильиным и Бердяевым, то сегодня обсуждать внутреннее и геополитическое положение России, ее будущее без учета мировых процессов нельзя. Но, как и прежде, стольпинское «нам не нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия» в полной мере оплодотворяет «русскую идею», наполняет ее особым смыслом и содержанием. Это, на наш взгляд, основа внутренней и внешней политики России и в свете расширения НАТО на Восток, и в свете вступления России в ВТО, но, самое главное, в свете нарастающего терроризма мирового масштаба. Именно перечисленные вопросы являются основой особого положения России и ее будущего участия в противостоянии негативным геополитическим моментам.

Тогда при чем же здесь «русская идея»? Может быть, это анахронизм? Может быть, следует идти в фарватере идеи «евразийства» или какой-то другой модной идеи, чтобы и себя выделиться, и других не забыть?

В том-то и дело, что все современные российские философы и политики так или иначе при рассмотрении вопросов современного и будущего состояния России и ее интеграции в мировые процессы не должны забывать сложных исторических процессов, в которых Россия участвовала и которые оказали влияние на ее развитие. Но самое главное, что эти исторические процессы сформировали определенную ментальность России, которая живет в каждом россияnine, с одной стороны, и определяет, с другой стороны, формирование внешнеполитических устремлений страны в будущее.

Разработка новой «русской идеи», опирающейся на современные геополитические реалии, является основополагающим моментом формирования политики государства в отношении ее участия в международном сообществе. Однако это участие никоим образом не должно принизить роль России в этом сообществе. При рассмотрении такого участия необходимо учитывать те исторические негативные последствия, которые Россия до сих пор еще не преодолела. Их преодоление во многом определяется чисто российской национальной идеей, которая влияла и будет влиять не только на внутренние, но и на геополитические процессы.

Овчаров Г.А.
К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОБЛЕМ ТЕРРОРИЗМА И
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

События 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними международная контртеррористическая операция поставили проблему терроризма в центр внимания политиков и мировой общественности. Наказание организаторов и исполнителей терактов, несомненно, является важным делом. Однако не менее важно определить причины роста угрозы терроризма, что могло бы предотвратить многие трагические события в будущем.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на один из аспектов данной сложной проблемы. Речь идет о взаимосвязи терроризма с процессом глобализации. Многие ученые отмечают, что сегодня человечество переживает один из переломных моментов в своей истории. Развиваются процессы, последствия которых трудно предсказать с абсолютной точностью. Под влиянием этого происходят изменения в сознании и поведении больших групп людей, разрушаются или претерпевают значительные изменения многие стереотипы.

В частности, мы являемся свидетелями бурного роста этнорелигиозного самосознания, одной из причин которого можно назвать реакцию людей на растущую «насильственную» глобализацию международной жизни. Российский исследователь К. Сорокин в своей работе «Геополитика современности и геостратегия России» отмечает, что неизбежным следствием расширения международных контактов является утрачивание автономии людьми и их институтами. Это, в свою очередь, вызывает стремление людей защитить свои интересы и добиться психологического комфорта, тяготея к тем общностям, к которым они, так или иначе, принадлежат.

Консолидация этнических меньшинств и нарастающая волна религиозного фундаментализма, по мнению К. Сорокина, являются очевидными примерами ответного движения в сторону локализации, которое порождается процессом глобализации. В этой ситуации терроризм может представляться отдельными людьми или их группами в качестве одного из возможных средств защиты локальных (этнических, религиозных и т.д.) интересов.

Очевидно, что многие глобальные процессы, разворачивающиеся сегодня, объективны по своей сути, и их развитие не зависит от желания или нежелания людей. Но так же очевидно и то, что необходимо, по возможности, учитывать интересы отдельных групп людей, если мы не желаем повторения трагических событий в будущем. Это в полной мере относится и к России, которая все больше «открывается» миру и втягивается в общемировые процессы.

Притчина Е.В. ТЕРРОРИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Политический терроризм – многоликое явление, известное очень давно. Однако знаковой датой в истории нашей цивилизации стало 11 сентября 2001 г. Именно в этот день человечество осознало, что живет в новом мире, несущем с собой принципиально иной тип угроз, перед лицом которых никто, даже граждане такой сверхдержавы, как США, не может чувствовать себя защищенным. Против него неэффективны традиционные инструменты национальной и международной безопасности, которые формировались в предшествующем тысячелетии. Перед акциями террористов одинаково беззащитны авторитарные и демократические режимы.

Очевидно, что сегодня требуется принципиально новая система национальной и международной безопасности, основанная на иных принципах, чем те, которыми руководствовались до сих пор. Но создание такой системы должно строиться на всестороннем анализе терроризма как явления в контексте современных реалий. Уже совершенно очевидно, что нельзя получить адекватные представления об этом предмете, оставаясь в плену стереотипов теории классовой борьбы и ее модернизированных версий – концепций биполярного мира и борьбы бедного Юга с богатым Севером. Не описывает и не объясняет всех проявлений терроризма и версия борьбы двух конфессий – ислама и христианства.

Политический терроризм должен стать объектом самого широкого междисциплинарного исследования. Бесспорно, ждут своего изучения социальные и культурно-психологические причины терроризма. Требуют пристального анализа его военно-технические и организационные проблемы. Представляется, что достаточно важно исследовать также и политические аспекты этого явления.

При всем разнообразии проявлений терроризма, их роднит целый комплекс общих черт. Они служат средством борьбы какой-либо группы или клана за усиление своего влияния в обществе. Целью любой террористической акции является давление на политическую власть. Однако эта борьба ведется вне рамок существующих формальных политических норм и институтов. Терроризм отрицает общепринятые правовые и моральные нормы, суверенитет национального государства, легальные формы представительства интересов и политической конкуренции. В то же время террористы в своих групповых целях используют ресурсы легально существующих социальных и политических институтов, таких, как спецслужбы, СМИ, общественно-политические и конфессиональные организации.

Таким образом, терроризм можно рассматривать как политическое явление внесистемного порядка, паразитирующее на структурах социальных и политических систем. К его политическим предпосылкам следует отнести наличие групп населения, не способных по каким-либо причинам интегрироваться в существующий политический порядок, не признающих существующих «правил игры», но стремящихся установить свой контроль над обществом. Поэтому, на наш взгляд, борьба с терроризмом как с явлением должна включать в себя целый комплекс мер по инкорпорированию в политическую систему всех наиболее социально активных элементов.

Федорова Т.Н., Мусиенко Т.В.

НОВАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Человечество вступает в XXI столетие в условиях коренной ломки прежней системы миропорядка и нарастания различных, порой взаимоисключающих, явлений и тенденций в международных отношениях. Коренные изменения глобальной геополитической ситуации еще не в полной мере осмыслены мировым сообществом, однако можно констатировать некоторые реальности. Прежде всего, это – крушение биполярного мира в результате упадка одного из его полюсов. С прекращением соперничества по линии Восток – Запад ось геополитики сместилась на линию Север – Юг. Можно говорить о том, что тенденция к включению цивилизационных аспектов взаимодействия человеческого сообщества активно вливается в общую систему глобальных геополитических построений. Западный мир развивается достаточно динамично. Рынок, составляющий основу западной коалиции, все еще остается самым обширным и богатым рынком в мире, находящимся под управлением стран, проводящих сходную и высокосоординированную стратегическую, экономическую и военную политику. По совокупности своих возможностей США являются абсолютным лидером не только западного, но и всего современного мира. В ближайшем будущем маловероятно появление у них серьезного соперника, способного претендовать на эту роль, поэтому в период до 2010–2015 гг. США постараются структурировать международную систему благоприятным для себя образом.

В дискуссиях по проблемам внешнеполитической стабильности присутствует точка зрения, согласно которой «плюралистическая монополярность» (США + ЕС) является желательной, но отнюдь не существующей сегодня реальностью¹¹⁷. Однако, оказавшись в уникальном положении един-

¹¹⁷ См.: Воскресенский А.Д. Геостратегическая «геометрия» современного мира // Китай в мировой политике. М., 2001. С. 14-15.

ственной сверхдержавы, США по-прежнему ориентируются на сохранение и усиление роли военного фактора в качестве инструмента обеспечения своего лидерства. Северо-Атлантический союз (НАТО) как раз выполняет функции военно-политического инструмента вестернизации. В этой связи особый смысл приобретают усилия альянса по разработке новейших военных технологий, приемов их использования в новых условиях, планы по расширению рядов Североатлантического союза. НАТО стремится утвердиться в качестве доминирующей силы во вновь выстраиваемой системе европейской и мировой безопасности. Балканский кризис 1999 г. стал своего рода полигоном реализации новой роли союза, продемонстрировал растущую готовность НАТО использовать военную силу на различных уровнях и в различных ситуациях, осуществить вмешательство во внутреннюю жизнь суверенного государства без санкции СБ ООН (по собственному решению). Новая стратегическая концепция альянса предусматривает расширение географии применения силы далеко за пределы «зоны ответственности» НАТО (при этом постсоветское пространство объявляется сферой «интересов безопасности» союза, особенно бассейн Каспийского моря). Известно, что Североатлантический союз – это организация, отражающая волю многих европейских государств (расхождение между западными державами и США наблюдается в целом лишь относительно тактических вопросов). Ликвидация американского военного присутствия в Европе может привести к разбалансировке взаимоотношений между европейскими державами (например, Германией и Францией). Для России данное обстоятельство является одним из решающих в разработке концепции взаимоотношений со странами Запада в целом и с США, в частности. В 1997 г. РФ подписала с НАТО Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности. Наша страна ставит развитие конструктивных отношений с Организацией Североатлантического договора в качестве задачи первостепенной важности, рассматривая их как один из ключевых элементов политики России на европейском направлении, существенный ресурс глобальной стабилизации, важное направление поиска адекватных ответов на вызовы времени.

Сегодня можно констатировать, что создана достаточно благоприятная среда для консолидации партнерства России с западноевропейскими и евроатлантическими структурами. Вместе с тем, существующие механизмы сотрудничества РФ – НАТО далеко не во всем адекватны реальным потребностям обеспечения безопасности. Прояснение позиций стран Северо-Атлантического союза и России по актуальной проблематике их взаимоотношений должно

способствовать развитию позитивного диалога между ними. В этой связи проведение международной конференции «Стратегическое партнерство России и Организации Северо-Атлантического пакта: когда настанет его черед?» явилось одним из вариантов поиска адекватных ответов на вызов времени. Конференция организована факультетом международных отношений СПбГУ при содействии штаб – квартиры НАТО и Генерального консульства США в Санкт-Петербурге. В дискуссии приняли участие представители общественно-политических и научных кругов России и стран-членов НАТО, а также стран-аутсайдеров Северо-Атлантического союза, взявших курс на вступление в эту организацию. Там участвовали такие политические фигуры, как Чрезвычайный и Полномочный Посол США в России господин А. Вершбоу, заместитель политического советника Миссии США в НАТО Джон Хефферн, старший координатор программ Офиса информации и прессы штаб-квартиры НАТО доктор Петр Лунак, генеральный секретарь Датской ассоциации Атлантического договора Троелс Фролинг; ученые – профессора: Хельмут Хубель (университет г. Иена), Ира Страус, Симон Петерманн, Тициана Стелла, заместитель Председателя государственной Думы РФ И.М. Хакамада, заместитель директора Института США и Канады РАН профессор А.Д. Богатуров, ректор СПбГУ профессор Л.А. Вербицкая, декан факультета международных отношений СПбГУ профессор К.К. Худoley, советник министерства иностранных дел России департамента общеевропейского сотрудничества П.А. Калмыков, директор-координатор Ассоциации Евро-Атлантического сотрудничества Е.К. Силин. Это говорит о высокой репрезентативности, что позволяет более или менее точно судить как об официальных, так и общественных умонастроениях, а значит, просчитать возможные варианты развития событий и смоделировать будущую картину мировой безопасности. Участие в данной конференции позволяет нам сделать некоторые выводы.

В целом Россия и НАТО накопили определенный багаж для создания широкой базы доверия, в том числе в Брюсселе уже поработало около дюжины групп сотрудничества по различным проблемам: технического взаимодействия, ядерной безопасности, по проблемам 2000–2002 гг., по созданию центра НАТО в Москве, по инфраструктуре по переподготовке военнослужащих и другим. Сегодня доверие друг к другу, как подчеркивал господин Посол, омрачено лишь взаимными обвинениями сторон в связи с югославской войной. Россию упрекают в том, что она не проявила «понимания общеевропейской совести», когда в период нагнетания югославской проблемы не выразила готовности поддержать объединенные усилия стран НАТО в Совете Безопасности ООН по сдерживанию Мило-

шевича, осуществлявшего геноцид албанского населения в Косово. Весьма непоследовательную позицию, по-прежнему считают в НАТО, Россия заняла как в период военных действий на Балканах, так и затем в миротворческой операции в Косово. У Запада существует убеждение, что если бы Москва действовала более согласованно с НАТО, то, возможно, не возникли бы на Балканах ни боевые, ни миротворческие операции.

В свою очередь, Москва заявляет, что стратегическая перспектива взаимодействия с Североатлантическим союзом на основе партнерства будет во многом зависеть от трансформации блока в политико-военную организацию, наличия общего вектора усилий на формирование неделимой и всеобъемлющей системы безопасности с опорой на основополагающие принципы международного права. К такому партнерству Россия готова. Она не только отказалась от старых стереотипов и внесла, ценой большого напряжения сил, весомый вклад в демонтаж потенциала контругроз – основы стабильности в период «холодной войны». Реалистично оценивая ситуацию в Европе, роль и вес НАТО в европейских делах, Россия с начала 90-х гг. пошла на развитие отношений с блоком, а в 2000 г. – на их восстановление, несмотря на крайне негативную оценку военной операции альянса против СРЮ. Москва поддержала практически все, в том числе военные, акции мирового сообщества, НАТО и США, направленные на поддержание стабильности, принуждение к миру в кризисных регионах. После событий 11 сентября, отмечали выступавшие на конференции, мы можем констатировать, что создана достаточно благоприятная среда для консолидации партнерства России с западноевропейскими и евроатлантическими структурами. Основой такого сотрудничества становится борьба с терроризмом как глобальным явлением. Сегодня Запад готов всерьез рассматривать проблему терроризма «в мировом масштабе», то есть как единое явление, имеющее общие корни, связи, мотивы, технологии, группы исполнителей. Именно 11 сентября показало действительно качественно новый масштаб терроризма как явления. И недоосмысление этого феномена, сведение его к различным одномерным объяснительным схемам типа «конфликта цивилизаций», «борьбы Третьего мира обездолженных» против «Первого мира богатых и благополучных», «войны между глобализмом и антиглобализмом» и т.д. – чревато слишком многими бедами для человечества.

Новые обстоятельства позволяют создать современный вариант механизма взаимодействия России и НАТО, т.н. «двадцатку», в основе которого будут лежать партнерские начала в решении общих задач борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности.

Таким образом, есть общее понимание исторической роли России в мировых и европейских делах, необходимости расширения «окон возможностей» для взаимодействия, объединения усилий в борьбе с современными угрозами. Налицо тенденция повышения качества наших контактов, потенциала доверия, укрепления чувства локтя в совместном миротворчестве, прежде всего на Балканах.

Альтернативы сотрудничеству с НАТО нет – таков однозначный вывод конференции. Нам представляется, что при всей важности рассмотренных на конференции проблем, такой вопрос, как взаимоперекрещивающиеся национальные интересы структурообразующих центров Евразии – США, России и Китая, к сожалению, остался за бортом дискуссий. Вместе с тем, заслуживает внимания мысль, высказанная профессором Е.П. Бажановым: «Россия не вправе позволить себе быть беспредельно жесткой в отношении НАТО, ибо у нее за спиной, словно на дрожжах, растет китайский гигант. Может случиться так, что в будущем натовцы пригодятся как партнеры по сдерживанию новой азиатской сверхдержавы...»¹¹⁸. Радикальное наступление стран НАТО и США в Азии затрагивает прежде всего интересы Китая, который в такой ситуации не может не активизировать свою внешнюю политику. При этом вполне возможно дальнейшее российско-китайское сближение и дальнейшая поляризация системы международных отношений. «Равноудаленный» статус России – единственный гарант того, что она не будет «разорвана» двумя возникающими центрами новой биполярности, хотя сохранить этот «равноудаленный» статус будет все сложнее и сложнее с течением времени¹¹⁹.

Утверждение многовекторной внешней политики России, когда западное и восточное направления представляют самостоятельную ценность с точки зрения наших национальных интересов, позволяет строить реалистические международные отношения. Разведение западного и восточного азимутов внешней политики, осуществление стратегии «параллельной вовлеченности» должны способствовать активному движению России как на Восток, в АТР и в Тихоокеанское содружество, так и на Запад как европейской державы (т.е., не подрывая своей европейской идентичности, не противопоставляя себя Европе и США, при этом подчеркивая свой евразийский характер, обогащая и любым способом развивая свой восточный культурный, геоэкономический, геополитический и внешнеэкономический потенциал).

¹¹⁸ Малетин Н.П. Россия в тихоокеанском кольце проблем // Россия, Китай и новый мировой порядок XXI века проблемы и перспективы. Материалы пятой российско-китайской научно-практической конференции 26-27 октября 2000 г. М., 2001. С. 161.

¹¹⁹ См.: Воскресенский А.Д. Указ. Соч. С. 25.

Чернышова Т.В.
**СОБЫТИЯ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г. И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
(ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Газетно-публицистические тексты ориентированы прежде всего на того читателя, политические, национальные, социальные и прочие интересы которого они представляют. Данный тезис находит подтверждение при сопоставительном анализе текстов одной тематики в средствах массовой информации, ориентированных на разных получателей информации.

Эта ориентированность проявляется как на содержательном уровне текста – через интерпретацию события, так и на языковом уровне – через отбор языковых средств, через языковые приемы выразительности, через стилистическую окраску языковых единиц и стилистическую тональность публикации в целом, позволяющие авторам публикаций оставаться в привычной для своего читателя языковой и смысловой парадигме, независимо от тематики и особенностей отображаемого факта-события.

Иллюстрацией может служить интерпретация разными газетно-публицистическими изданиями (как центральными, так и местными) трагических событий 11 сентября 2001 г.

Даже относительно случайная выборка статей, посвященных этой теме, из нескольких газет («Коммерсант», «Советская Россия», «Правда», «Алтайская правда», «Свободный курс», «Молодежь Алтая», «Голос труда») оказывается весьма показательной.

Различия в оценке события наблюдаются уже на уровне наименований рубрик и заголовков и могут быть представлены несколькими мотивами.

Так, основной мотив в оценке произошедшего как **«всемирной катастрофы»**, **«угрозы цивилизации»** характерен для таких изданий, как «Коммерсант» (*«Третья мировая»*, *«Всемирная катастрофа»*, *«Armageddon Now»*), *«Похороны мира»*, *«Воздушный терроризм долетел до США»*, *«Похороны мира (вторничный таран)»*, *«Манхэттен военного времени»*, *«Эвакуация из такого здания – полный кошмар»*), «Свободный курс» (*«Атака на цивилизацию»*, *«Взрыв на Манхэттене»*, *«Звонки из-под завалов»*, *«Вечер первого дня»*, *«Трагедия»*), «Алтайская правда» (*«Вызов всему человечеству»*, *«Американская трагедия»*, *«Граждане США потрясены»*, *«Отчаяние и растерянность»*, *«Черный день цивилизации»*, *«ЭТО – ТЕРРОР»*) и др. изданий, известных своей либерально-экономической направленностью и ориентированностью на ту часть населения России, которая лояльно относится к проводимым в обществе реформам.

Мотив «всемирной катастрофы» поддерживается и на содержательном уровне в публикациях через отбор стилистически окрашенных языковых единиц, среди которых преобладают эмоционально-экспрессивные средства, передающие трагический смысл происходящего: «Самой мощной мировой державе была, по сути, объявлена война со стороны международного терроризма. Война тут же стала мировой», «потряс мощнейший взрыв, взметнулся огромный шар огня, новый удар, от которого содрогнулась земля», «В одно мгновение жизнь многомиллионного мегаполиса была превращена в кошмар», «Удар оказался столь сокрушительным и столь масштабным, что после него мир уже не может не быть иным», «Мир охватил страх, граничащий с ужасом» (Рубрика «Всемирная катастрофа», Третья мировая, Коммерсант, 12.09.01).

Не столь единодушны в оценке произошедшего газетные издания, отражающие интересы оппозиционно настроенной части населения России.

Так, газета «Правда», отдавая дань трагичности произошедшего («Международный терроризм – вызов человечеству», «Чума XXI в.», «Хроника трагедии»), тем не менее, акцентирует внимание на виновности самой Америки в произошедшем («Атака на Америку», «Боинг шел на Белый дом», «Трагедия Америки», «Вторая Перл Харбор для США», «Глобальная игра на невинных жертвах», «Трагедия и позор Америки»).

Таким образом, выявляется новый мотив, ограничивающий последствия произошедшего рамками одной страны: **«террористический акт – трагедия Америки»** (этот же мотив можно заметить в заголовках газеты «Алтайская правда»: «Американская трагедия», «Граждане США потрясены», «Отчаяние и растерянность»), а также мотив **«террористический акт – позор Америки»**. При этом журналисты не смогли удержаться от морализаторства, являющегося обязательным компонентом оппозиционной прессы: «Теперь американцы, может быть, поймут, что такое международный терроризм и какую угрозу он несет миру, о чем постоянно говорит Россия», «Стремление Вашингтона к мировому господству очень дорого обходится простым американцам» (Чума XXI в., Правда, 13.09.01), «При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной. Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем», «Мир еще **нахлебается ковбойских наскоков**, а остановить их некому... Россия ослаблена, Россия не в счет. Вот каков жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза» (Атака на Америку, 13.09.01). Полагаем, что данный пассаж полностью отвечает потребностям читателя газеты «Правда», поскольку является отражением одного из устойчивых стереотипов сознания (мифологемы) «левоориентированной» части общества – «Советский Союз – сверхдержава».

Некоторые высказывания по поводу действий террористов, кроме всего прочего, можно оценивать как эмоционально-оценочные, причем эта оценочность носит далеко не отрицательный характер: «Атака с воздуха была организована и проведена **в высшей степени на необъяснимо высоком уровне. Фантастическом уровне!** Почти одновременно захватить четыре самолета..., направить лайнеры на небоскребы, **точно вырулить** на Пентагон, **да еще** подготовить несколько взрывов на улицах городов – **ну, знаете ли!**» (Атака на Америку, Правда, 13.09.01), «Террористы **сумели** подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и **бесстрашно** нанесли серию ударов» (Трагедия силы, Советская Россия, 13.09.01) и довольно откровенно характеризует истинные чувства пишущего – изумление, удивление на грани восторга.

В этом отношении интересна небольшая публикация о трагедии, напечатанная в газете «Голос труда» (14.09.01). Подчеркнутая информативность и нейтральность заголовка «Террористы атакуют Америку» дополняется «штампованностью» изложения, призванного завуалировать какие бы то ни было эмоции по поводу произошедшего: трагическое известие, воздушной атаке подверглись, протаранили небоскребы, погребены десятки тысяч служащих и т.д. Истинное отношение автора, тем не менее, проявляется через название рубрики, в которой помещено сообщение: Сенсация. Согласно словарю русского языка, «сенсация – 1. Сильное, ошеломляющее впечатление от какого-либо события, известия; 2. Событие, сообщение, производящее такое впечатление»¹²⁰. При этом в современном русском языке слово сенсация связано с событиями, которые вызывают очень большой интерес нестандартностью, необычностью происходящего. Исходя из подобной трактовки события, можно говорить еще об одном мотиве, также характерном для оппозиционной прессы: «**террористический акт – крушение мифа о несокрушимости Америки**».

Данный мотив присутствует в публикациях газеты «Советская Россия» и представлен в таких высказываниях, как «*Две развеянные в пыль башни нью-йоркского Всемирного торгового центра – две глиняные ноги современного Колосса – «нового мирового порядка под эгидой США»», «вместе с башнями рухнул миф о единственном и неповторимом «лидере свободного мира», о всемогущей, недостижимой и неуязвимой Америке*» (Хиросима в Нью-Йорке, «Советская Россия», 13.09.01) и др.

Смысловой и стилистический анализ публикаций оппозиционных изданий позволяет говорить еще об одном мотиве, наиболее ярко пред-

¹²⁰ Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х тт. М, 1984.

ставленном в оппозиционной прессе («Советская Россия», «Правда»): **«террористический акт – месть Америке», «террор – возмездие»**. Данный мотив проявляется уже в центральном заголовке газеты: *«Хиросима в Нью-Йорке»*, отсылающем читателя к событиям многолетней давности. Хотя авторы этих изданий осуждают терроризм (*«трагедия чудовищна, нам одинаково ненавистны подобные действия, где бы они ни происходили»*) (Заявление Президиума ЦК КПРФ, Правда, 13.09.01), *«никакого прощения или снисхождения к организаторам этого страшного злодеяния нет и быть не может»* (Хиросима в Нью-Йорке, Советская Россия, 13.09.01), однако закономерность, символичность произошедшего у авторов сомнения не вызывает, поскольку США рассматривается авторами и читателями оппозиционной прессы как мировое зло, а зло должно быть наказано⁴³: *«Теперь американцы на собственном опыте узнали, что такое «точечные удары», ковровые и ядерные бомбардировки, вместе взятые», «кажется, даже за высадкой американских астронавтов на Луну... мир следил с менее жгучим интересом...»* (Хиросима в Нью-Йорке, Советская Россия, 13.09.01), *«Великая держава оказалась бессильной перед силой **возмездия**», «США стали жертвой своей самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам», «Балканы стали жертвой агрессии НАТО и США. А затем **насилыники** присвоили себе роль судей над жертвами», «Богатый мир, «золотой миллиард», не желает считаться с нуждами обездоленных стран», «Терпение униженных не бесконечно», «Вызревала ответная реакция – возмездие, на силу – силой, на притеснение – месть», «Взрывы в США, воздушные атаки террористов – это бессмысленные шаги отчаявшихся на пожертвования фанатичных камикадзе», «Мировой жандарм породил своего врага», террористы – «порождение империализма» и др.* (Трагедия силы, Советская Россия, 13.09.01).

На фоне мотива мести появляется мысль о незаслуженном преувеличении произошедшего, поскольку «ничего принципиально нового американцы не пережили»: *«Первые комментарии явно злоупотребляли словами о «беспрецедентном» событии. Комментаторы все как один вдруг «забыли» о таких прецедентах, как стертые с лица земли со всем мирным населением Дрезден, Хиросима и Нагасаки, как бомбежки Вьетнама...»* (Хиросима в Нью-Йорке, Советская Россия, 13.09.01). Таким образом, смысловой и стилистический анализ свидетельствует о скрытом мотиве **«террористический акт – справедливое возмездие»**: *«Не забыты миром бомбежки Ирака и Югославии, плач матерей и стоны детей под восторженные крики американских телезрителей»* (Атака на Америку, Правда, 13.09.01).

Таким образом, либерально-демократическая и оппозиционная пресса по-разному трактуют происходящие в мире события, ориентируясь прежде всего на ту аудиторию, для которой они пишут.

Следует также отметить, что необходимость ориентироваться на определенные читательские запросы заставляет издательства обращаться к другим мотивам, специфика которых обусловлена особенностями и интересами читательской аудитории, на которую ориентируется издание.

Прежде всего, как было показано ранее, это идеологическая направленность, которая обязательно учитывается как на содержательном, так и на языковом уровне.

Немаловажной является и экономическая направленность, ориентация на которую приводит авторов еженедельника «Коммерсант» сразу же после сообщения о трагических событиях 11 сентября 2001 г. к необходимости описания экономической ситуации в мире. Свидетельством тому являются следующие заголовки: «Небоскребы похоронили под собой рынки», «Тяжелый страховой случай», «Никто не хотел торговать», «Россияне не знают, что делать с долларом, и могут за это поплатиться», «Центробанк остановил взрывную волну деньгами».

Интересно также, что неординарность произошедшего события в какой-то мере заставила авторов слегка «отклониться» от принятого стиля общения с читателем, что прежде всего проявилось через отбор стилистических речевых средств. Однако буквально через несколько дней привычная читателю тональность изложения была восстановлена.

Так, относительно сдержанная стилистическая окраска речи оппозиционных изданий при описании первых сообщений о событии резко меняется при переходе к устойчивым идеологическим стереотипам (см. высказывания журналистов «Советской России»), а также при изменении политической ситуации: «*Вашингтон оцетинился*», «*Трагедия и позор Америки*», «*Куда теперь вырывают США?*» (Правда, 18–19.09.01).

Ироничность стиля и прецедентность высказываний (заголовков) «Коммерсанта», исключенные из номера от 12 сентября, содержащего описание трагедии, вновь появляются на страницах газеты уже 14 сентября: «*Бей арабов – спасай Америку. Американцы ищут живых, мертвых и лиц арабской национальности*», «*Редкий пассажир долетит до Америки*», «*Пентагон приступил к работе. Ее у него будет много*».

Верной своему читателю остается газета «Молодежь Алтая», лишь 19 сентября поместившая краткую информацию о трагедии под рубрикой «Подробности» с заголовками «В США гремит – на Алтае крестятся» и

«Соболезнования американцам», как бы подтверждая тезис о безразличии молодых к любым проблемам, кроме своих собственных.

Доктор психологических наук В.Ф. Петренко в одном из своих исследований отметил, что «тексты в нашем сознании существуют как гипертексты, включающие мириады ассоциативных связей, вязь перекрестных ссылок, чувственную ткань сознания... Понимание предусматривает... совпадение смысловых установок, культурного кода – базовых знаний о мире коммуникатора и реципиента»¹²². Полагаем, что наше исследование на языковом материале подтверждает справедливость данного высказывания.

СЕКЦИЯ III

Бубенко О.Н., Зуева И.В.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

С начала 90-х гг. XX в. в России начинается процесс массовой политизации населения. В политику активно включаются различные социальные группы, в том числе и женщины. В этот период возникают и женские движения, одно из которых – «Женщины России» – проходит на выборах в Государственную Думу в 1993 г., набрав 8,13% голосов и получив 21 мандат (плюс 3 по одномандатным округам), но уже в 1995 г. не преодолевает установленный 5% барьер. Та же ситуация повторилась и в 1999 г.¹²³ Это свидетельствует о том, что женщины как социальная группа в современной России не имеют осознанных интересов в политической сфере, отличных от других демографических групп.

В целом представительство женщин на федеральном уровне больше, чем на региональном, тем не менее, наметилась тенденция к его снижению. Результаты выборов 1999 г. в Государственную Думу показали, что количество женщин от общего числа депутатов сократилось с 10,2% в 1995 г. до 7,7% в 1999 г.¹²⁴ Сравнительный анализ результатов выборов в законодательные органы государственной власти Алтайского края показывает, что в 2000 г. женщины в составе Алтайского Краевого Совета народных депутатов получили 3 депутатских мандата (6% от общего числа

¹²² Петренко В.Ф. Психосемантика ментальности: коммуникативный аспект // Проблемы медиапсихологии. М., 2002. С. 20.

¹²³ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. 1999. Электоральная статистика. М., 2000. С. 138.

¹²⁴ Там же. С. 235.

депутатов), в то время как в 1995 г. в Алтайском Краевом Законодательном собрании они имели 4 места (8%)¹²⁵.

При этом в Думе 73,5% от числа женщин занимались профессиональной политической деятельностью и до избрания, замещая должности в представительных и исполнительных органах различного уровня, возглавляя или входя в руководящий состав общественных объединений. Все женщины имеют высшее образование, средний возраст составляет около 50 лет.

Число женщин-депутатов, прошедших в Думу по партийным спискам, видно из таблицы 1.

По одномандатным округам в депутаты прошли женщины от 15 субъектов РФ (16,9% от общего числа субъектов РФ). При этом наибольшее число женщин-депутатов прошло от г. Санкт-Петербурга – 3 из 7 депутатов, в то время как, например, от г. Москвы ни одной из списка (15 чел.).

В АКСНД в 2000 г. 1 женщина была выдвинута от АКПОД «За подлинное народовластие» (Н.П. Данилова), а две других – от группы избирателей (И.В. Солнцева и Т.И. Вервекина).

Распределение женщин-депутатов по фракциям Думы видно из таблицы 2.

Из данной таблицы видно, что наибольший процент женщины составляют во фракции «ОВР» – 12,2%, второе место в этом списке принадлежит фракциям «КПРФ» и «СПС» – по 9,4%. Однако в виду объединения партий «Единство» и «Отечество» процент женщин в объединенной фракции будет наибольшим.

Таблица 1. Женщины-депутаты Государственной Думы третьего созыва (1999 г.) (по партийным спискам)

	Количество	% от числа депутатов
«ЯБЛОКО»	2	12,5
«Единство»	3	4,8
Блок Жириновского	0	-
ОВР	4	11,1
СПС	2	8,7
КПРФ	3	4,5

¹²⁵ Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997-2000. Электронная статистика: в 2-х томах. М., 2001. Т. 2. С. 214-217.

Таблица 2. Депутатские объединения Государственной Думы

	Общая численность	% от числа депутатов	Численность женщин	% от численности фракции
Фракция «Единство»	83	18,44	7	8,4
Фракция КПРФ	85	18,89	8	9,4
Фракция «ЛДПР»	12	2,67	0	–
Фракция «ОВР»	49	10,89	6	12,2
Фракция «СПС»	32	7,11	3	9,4
Фракция «ЯБЛОКО»	17	3,78	1	5,8
Агропромышленная депутатская группа	43	9,56	3	7
Депутатская группа «Народный депутат»	56	12,44	1	1,8
Депутатская группа «Регионы России»	47	10,44	0	–
Депутаты, не входящие в зарегистрированные депутатские объединения	21	4,67	2	–

В АКСНД распределение женщин по фракциям произошло следующим образом: И.В. Солнцева входит в депутатскую группу «Союз промышленников», а Н.П. Данилова и Т.И. Вервекина – в группу «За подлинное народовластие».

Можно предположить, что большинство женщин-депутатов, как и женщин-избирателей, придерживается центристских (консервативных) взглядов.

Таким образом, можно сделать вывод, что интересы женщин как самой большой социальной группы современной России не имеют достаточного представительства в законодательных органах государственной власти, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Голуенко Т.А.
К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ КОМИТЕТОВ СОЛДАТСКИХ
МАТЕРЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ

Проблема активного участия женского движения в политическом процессе современной России приобретает все большую актуальность. На протяжении последнего десятилетия движение солдатских матерей представляет собой одно из самых значительных явлений в женском движении России. Оно стало первым массовым правозащитным женским движением, родившимся из реалий российской жизни. Его зарождение имеет объективные причины, а именно: нарушения прав военнослужащих в армии и отсутствие или невыполнение основных правовых норм, обеспечивающих призывникам надежную защиту.

Организационно движение солдатских матерей оформилось в конце 80-х – начале 90-х гг. В первой половине 90-х гг. в большинстве городов России появляются общественные организации солдатских матерей, или Комитеты солдатских матерей (КСМ), как структуры гражданской власти, призванные иметь контроль над военной сферой.

Ведущие аспекты деятельности КСМ имеют несколько составляющих, главными из которых являются: социальная и правовая защита военнослужащих и их родителей; организация контактов с руководством войсковых частей и военкоматов с целью обеспечения правовой защиты солдат и призывников; взаимодействие с другими правозащитными организациями, способными оказать конкретную помощь в деле защиты прав человека в армии; взаимодействие с государственными организациями с целью участия в законодательной деятельности, а именно: в разработке и предложении законопроектов, способных обеспечить надежную правовую защиту военнослужащим и родителям погибших военнослужащих.

Итак, одним из основных аспектов деятельности Комитетов является активное взаимодействие с органами государственной власти. Несомненно, для успешной правозащитной деятельности Комитетов солдатских матерей необходимо сотрудничество с государственными органами власти, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Такое сотрудничество в настоящее время активно осуществляется: солдатские матери принимают участие в судебных процессах по делам призывников и военнослужащих, ведут многоплановую переписку с представителями законодательной и исполнительной власти, работают с депутатами разных уровней, участвуют в разработке и организации поддержки законодательных инициатив, в час-

тности, в рабочей группе по разработке закона об альтернативной гражданской службе. Комитеты солдатских матерей готовы сотрудничать с любыми государственными структурами, в том числе и военными, поскольку индивидуальные случаи нарушений прав человека в армии могут быть рассмотрены и разрешены только с их помощью.

Таким образом, Комитеты солдатских матерей принимают самое активное участие в политическом процессе современной России. Дальнейшее развитие общественного движения солдатских матерей будет зависеть от развития политической ситуации. Однако на данном этапе оно является одним из самых массовых движений на пути к формированию гражданского общества в России. Движение солдатских матерей вовлекает женщин в активную деятельность, привлекает внимание российской и мировой общественности к нарушениям прав человека в армии, участвует в законотворческой деятельности – это помогает стать российскому государству подлинно демократическим и содействует утверждению гуманистических начал в общественной жизни.

Шашкова Я.Ю.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

На протяжении XVIII-XIX вв. шел процесс постепенного вовлечения масс в политику. В XX в. он достиг апогея, приведя к формированию широкой сети идейно разнородных и организационно гибких структур – общественно-политических движений, причем постматериальной направленности. Их постматериализм связан с отрицанием «общества потребления» и требованием обеспечения свободы и прав человека в условиях дифференциации интересов различных социальных групп. Одним из них стало женское движение, выросшее из движения «суфражисток», требовавших предоставления женщинам избирательных прав.

Его структурирование в XX в. было связано с активизацией женщин в сфере политики, включением их в работу органов государственной власти и местного самоуправления, что, в свою очередь, явилось следствием послевоенных процессов массового вовлечения женщин в трудовую деятельность, повышения уровня их образования, размывания патриархальных устоев общества.

На современном этапе женское движение неоднородно и представлено женскими организациями в рамках других движений, например, Комитетами солдатских матерей, Международным советом женщин – социал-демократок, женскими организациями при политических партиях и феминизмом.

В России главной особенностью женского движения, возникшего в середине XIX в., была его изначальная политизация и требование политических и экономических прав не только для женщин, но и для всего общества, т.к. в царской России до 1905 г. их не имел никто. Оно рассматривалось в первую очередь как движение за освобождение любой человеческой личности из-под власти родового начала.

В некоторой мере схожая ситуация наблюдается и в современном женском движении, близком социал-демократическому направлению и выдвигающем общие политические и социально-экономические требования, потому что невозможно говорить об обеспечении особых прав женщин в обществе, где не соблюдаются основные права любого человека или отсутствуют их гарантии.

Основным субъектом российского женского движения 1990-х гг. являлось движение «Женщины России», образованное в октябре 1993 г. на основе Союза женщин России, Ассоциации женщин-предпринимателей и других общественных организаций. В его программе явный уклон был сделан в сторону гуманистических и нравственных ценностей, прекращения фактической дискриминации женщин и реализации масштабных социальных программ. Своими целями движение объявляло обеспечение социальных гарантий в сфере труда для всех работающих независимо от форм собственности; принятие упреждающих мер против безработицы; достижение обязательного соблюдения трудовых прав работников на государственных и частных предприятиях через систему государственного контроля и повышение роли профсоюзов; а также создание условий, позволяющих женщине и мужчине сочетать профессиональные и семейные обязанности, обеспечение доступа граждан к ценностям культуры.

На выборах в Государственную Думу в 1993 г. «Женщины России» набрали 8,1% голосов избирателей и сформировали свою фракцию в нижней палате парламента, а также получили контроль над комитетом Думы по делам семьи, молодежи и женщин. Но уже к 1995 г. популярность движения резко упала, в связи с чем оно не смогло преодолеть 5% барьер на парламентских выборах (4,61%). Еще больше усугубилась ситуация в 1999 г., когда произошел раскол «Женщин России» из-за вступления части участников во главе с Екатериной Лаховой сначала в Социалистическую партию России И. Рыбкина, а затем – в ОВР.

В результате накануне выборов в Государственную Думу-99 было зарегистрировано пять женских общественно-политических организаций: «Движение женщин России» (руководитель – Е.Ф. Лахова), «Движение

женщин за здоровье нации» (Э.Г. Глубоковская и Л.Н. Маркина), «Женский объединенный союз» (Е.Г. Листопадова), «Женщины России» (А.В. Федулова, Э.Г. Глубоковская, М.К. Добровольская) и Российская партия защиты женщин (Т.Н. Рощина), – а также Движение матерей «За социальную справедливость» (Е.А. Шувалова). В традициях умеренного феминизма они призывали к обеспечению равного участия мужчин и женщин в общественно-политической жизни страны; достижению их паритетного представительства в органах власти, на всех уровнях принятия решений; соблюдению равенства мужчин и женщин в правах и возможностях; ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Кроме того, Российская партия защиты женщин и Движение матерей большое внимание в своих программах уделяли защите семьи, материнства и детства, проведению активной социальной политики в данной области.

В избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы–99 самостоятельно участвовали лишь две из указанных организаций – «Женщины России» и Российская партия защиты женщин. У «Женщин России» федеральный список возглавляли лидер движения А.В. Федулова, заместитель министра труда и социального развития РФ Г.Н. Карелова и председатель Московского областного профсоюза работников текстильной и легкой промышленности Н.Г. Веселова. Несмотря на все усилия и массовость женского электората, движение получило лишь 2% голосов избирателей, ухудшив результат 1995 г. Еще более удручающим был итог выборов для Российской партии защиты женщин. Ее федеральный список во главе с Т.Н. Рощиной набрал 0,8% голосов.

Таким образом, можно констатировать слабость и разобщенность общероссийского женского движения, незначительность его влияния на политическую ситуацию в стране, несмотря на широту социальной базы и серьезность поднимаемых проблем. Причины этого, по всей видимости, кроются в специфике современной социально-экономической ситуации в нашей стране, когда, согласно опросам, на первом месте для большинства граждан независимо от их пола стоят проблемы материального обеспечения и безопасности, а также в том, что женщины, часто более активные и успешные в решении материальных вопросов семей, пока слабо осознают возможные результаты своей политической деятельности. Более успешным на этом фоне выглядит функционирование движения солдатских матерей, однако оно имеет другие задачи и является женским только по своему социально-демографическому составу.

АВТОРЫ ДОКЛАДОВ, ВЫСТУПЛЕНИЙ И ТЕЗИСОВ

Андреев Валерий Павлович

Доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета, г. Томск.

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, зам. декана ИФ АГУ.

Барабанов Олег Николаевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела проблем международной безопасности Российского института стратегических исследований, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО, член экспертного совета при комитете по международным делам Совета Федерации ФС РФ, г. Москва.

Бармин Валерий Анатольевич

Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории БГПУ.

Белоусова Мария Павловна

Кандидат социологических наук, ассистент кафедры социальной работы АГУ.

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений АГУ, председатель регионального отделения Ассоциации европейских исследований.

Бобров Михаил Яковлевич

Доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии АГУ.

Бойко Владимир Сергеевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории БГПУ.

Борзых Станислав Владимирович

Выпускник отделения международных отношений ИФ ТГУ, г. Томск.

Бородин Владимир Андреевич

Доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Международной Академии науки и практики организации производства, директор Института проблем промышленного развития, заведующий кафедрой «Экономика и производственный менеджмент» АГТУ.

Боронин Олег Николаевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения АГУ.

Бубенко Ольга Николаевна

Аспирант кафедры политологии АГУ.

Бузгалин Александр Владимирович

Доктор экономических наук, профессор ЭФ МГУ, руководитель Общероссийского общественно-политического движения «Альтернатива», г. Москва.

Быков Андрей Юрьевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения АГУ.

Ващенко Александр Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ, ответственный секретарь Краснодарского отделения Российской ассоциации международных исследований.

Волобуева Марина Маратовна

Кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой теологии АГУ.

Воробьев Александр Егорович

Доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой горного дела Российского университета дружбы народов, г. Москва.

Голобородова Татьяна Николаевна

Кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой «Связи с общественностью» АГУ.

Голуенко Татьяна Александровна

Старший преподаватель кафедры регионологии АГТУ

Гончаренко Александр Ильич

Председатель РО ПП «Яблоко», председатель АКОО «Защита и поддержка гражданских прав и инициатив».

Гордок Сергей Александрович

Студент ИФ АГУ

Дерюжина Елена Вениаминовна

Студентка ФПН АГУ.

Джанияц Ася Владимировна

Кандидат технических наук, доцент, докторант МГГУ, г. Москва.

Емешин Константин Николаевич

Кандидат медицинских наук, доцент, Академик МАИ, помощник депутата Государственной Думы РФ, председатель правления АКОО «Школа реальной политики», заместитель председателя РО ПП «Союз правых сил».

Емешина Вера Георгиевна

Кандидат медицинских наук, доцент, председатель Алтайского отделения «Женского социал-демократического конгресса».

Еремин Игорь Александрович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории БГПУ.

Зуева Инна Викторовна

Аспирант ФПН АГУ.

Исакова Снежана Николаевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений АГУ.

Кагиров Борис Николаевич

Проректор по общим вопросам АГУ

Кагирова Галина Владимировна

Доктор медицинских наук, профессор кафедры политологии АГУ.

Калюга Дмитрий Викторович

Аспирант факультета журналистики МГУ, г. Москва.

Картушина Зоя Анатольевна

Ведущий специалист комитета природных ресурсов Администрации Алтайского края, председатель совета АКОО «Лига избирателей Алтай».

Кислова Инесса Яковлевна

Преподаватель АГАУ.

Клеман Карин

Доктор социологии, научный сотрудник Центра изучения социальных трансформаций Института социологии РАН, член Международного комитета АТТАК-Франция, г. Париж.

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии АГУ.

Кожевина Ольга Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры управления социально-экономическими процессами АГУ, докторант АГАУ, член Научного Аграрно-Экономического Общества России.

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, ассистент АГУ.

Колганов Андрей Иванович

Доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ЭФ МГУ, г. Москва.

Колоткин Михаил Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных наук, зам. директора Института кадастра и ГИС СГГА, г. Новосибирск.

Кругова Наталья Ильинична

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения АГУ.

Кулешова Марина Александровна

Ассистент кафедры истории и регионоведения ТГПУ, г. Томск.

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения АГУ.

Курныкина Галина Ивановна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения АГУ.

Литвинов Михаил Владимирович

Директор ООО «Алтай-Имидж».

Литвинова Анна Михайловна

Студентка ФПН АГУ.

Мальшева Нина Сергеевна

Ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений АГУ.

Мамаева Валентина Даниловна

Сотрудник АКОО «Институт духовного видения и мировоззренческих позиций».

Маркедонов Сергей Мирославович

Кандидат исторических наук, заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа, г. Москва.

Мартынов Василий Львович

Кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, г. Санкт-Петербург.

Махновский Дмитрий Евгеньевич

Кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования СПбГУЭФ, г. Санкт-Петербург.

Михайлов Николай Николаевич

Кандидат географических наук, доцент, первый проректор АГУ.

Монина Любовь Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений АГУ.

Москвин Виктор Николаевич

Доктор технических наук, профессор, зам. директора Института кадастра и ГИС СГГА, г. Новосибирск.

Мочалова Лариса Александровна

Старший преподаватель Алтайского филиала Академии труда и социальных отношений.

Мусиенко Тамара Викторовна

Кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, г. Санкт-Петербург.

Овчаров Геннадий Александрович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории АГУ.

Ольшанский Дмитрий Александрович

Бакалавр философских наук, магистрант СПбГУ (г. Екатеринбург).

Полуэктова Наталья Николаевна

Аспирант кафедры политологии АГУ.

Притчина Елена Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета политических наук АГУ.

Растова Юлия Ивановна

Кандидат экономических наук, доцент, докторант АГУ.

Роговский Евгений Иванович

Кандидат экономических наук, первый заместитель начальника Главного управления экономики и инвестиций Администрации Алтайского края.

Романов Олег Анатольевич

Аспирант кафедры социологии и политологии СПбГУ (РГИ), г. Санкт-Петербург.

Скалон Александр Васильевич

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии ААЭиП.

Солнцева Ирина Валентиновна

Кандидат медицинских наук, депутат Алтайского краевого Совета народных депутатов, заместитель председателя комитета по социальной политике.

Субботина Людмила Леонидовна

Начальник государственного учреждения архитектурно-планировочного бюро, член «Лиги избирательниц Алтай».

Суханов Александр Александрович

Соискатель ИФ АГУ.

Усольцев Сергей Анатольевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений АГУ.

Федорова Тамара Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения ТГПУ, г. Томск.

Управителева Лариса Михайловна

Доцент кафедры философии АГУ.

Цветкова Александра Алексеевна

Магистр политологии и политической экономики посткоммунистическо-го транзита, Центральноевропейский университет, г. Будапешт.

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайской школы политических исследований, председатель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки, председатель Совета Конгресса интеллигенции Алтайского края.

Чернышова Татьяна Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и стилистики АГУ.

Чистопашина Ольга Владимировна

Старший преподаватель кафедры международных экономических отношений АГУ.

Шабалина Нина Александровна

Руководитель РОО «Женский бизнес-центр «Этуаль».

Шашкова Ярослава Юрьевна

Кандидат исторических наук, доцент АГУ.

Щеглов Сергей Георгиевич

Кандидат исторических наук, зав. кафедрой политической истории АГУ, сотрудник комитета по образованию Администрации Алтайского края.

Юдина Ирина Николаевна

Кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой «Финансы и кредит» Алтайского филиала ВЗФЭИ.

Ярцева Надежда Васильевна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории АГУ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АШПИ возникла как общественное учреждение, зарегистрированное управлением юстиции Алтайского края 9 февраля 1996 г. Статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Чернышов Юрий Георгиевич. Заместитель директора – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Алтайского отделения Ассоциации европейских исследований Бетмакаев Алексей Михайлович.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы – неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей – историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований.

Одно из главных направлений работы Школы – *проведение международных научно-практических конференций, издание сборников* по актуальным проблемам политической жизни. Среди московских экспертов, принимавших в последние годы участие в конференциях АШПИ, были: Сергей Алексащенко, Олег Барабанов, Игорь Бунин, Алексей Зверев, Дмитрий Калюга, Михаил Краснов, Александр Лившиц, Владимир Лысенко, Владимир Мау, Алексей Михеев, Сергей Недорослев, Александр Некипелов, Владимир Павлихин, Владимир Рыжков, Алексей Салмин, Марина Салье, Георгий Сатаров, Владимир Юдин; среди зарубежных экспертов – Фальк Бомсдорф, Хансйорг Дрешер, Йоханн Дюкк, Вернер Зергель, Томас Кассела, Карин Клеман, Сюзанна Ландвер, Петер Леше, Бернард фон Платте, Ахим Пост, Фридрих Ролль, Вильгельм Ханкель, Элисабет Хедборг, Вольф-Дитер Цумпфорт, Ханс-Йоахим Шпангер, Петер Шульце и др.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. – Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. – Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. – Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. – Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. – Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. – Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. – Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. – Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. – Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. – Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. – Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. – Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. – Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. – Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. – Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

Кроме этого, Школа постоянно занимается *просветительской работой* – организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о войне в Чечне, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о содержании различных законопроектов и т.д. В июле 1997 г. руководитель АШПИ провел в Новосибирске семинар по проблемам защиты обществен-

ных интересов для лидеров инвалидных организаций Западной Сибири. В 1998 и 2000 гг. он представлял Алтайское отделение РАПН на Первом и Втором Конгрессах политологов, проходивших в г. Москве; в 2001 и 2002 гг. участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге.

Еще одно направление деятельности – **консультирование, проведение прикладных политологических исследований**. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Первые исследования электоральных настроений были проведены во время президентских выборов 1996 г. Осенью 1996 г., накануне губернаторских выборов, АШПИ провела два анкетных опроса жителей края (более 2000 респондентов). В сентябре 1998 г. в г. Барнауле был проведен телефонный опрос об отношении населения к правительству Е. Примакова и местной власти. В ноябре 1999 г., накануне выборов в Государственную Думу, АШПИ провела опрос избирателей города Барнаула. С 18 по 22 января 2000 г. был проведен телефонный опрос 500 жителей, а с 1 по 5 марта – 2040 жителей Барнаула (об отношении к кандидатам на должности Президента РФ, глав администраций Алтайского края и города Барнаула, а также кандидатам в депутаты Краевого Совета и Городской Думы). Кроме того, проводились исследования, не связанные непосредственно с выборами. Так, в марте 1998 г. АШПИ провела в пяти школах г. Барнаула исследование на тему «Восприятие школьниками социальной действительности». С 25 по 27 февраля 2000 г. эксперты АШПИ провели телефонный опрос по теме «Международные проблемы глазами барнаульцев»; такой же опрос состоялся в марте 2002 г. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на Интернет-сайте Школы, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Прожект Хармони» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет – Мир без провинций» в 2001 г. С июня 2002 г. функционирует «мини-сайт» АШПИ, призванный облегчить доступ массового пользователя к наиболее актуальным информационным ресурсам.

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и **приглашает к сотрудничеству** всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

Оглавление

ПЕРВОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	3
<i>Чернышов Ю.Г.</i>	
СЛУЖИТЬ ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ <i>(вступительное слово)</i>	3
ПРИВЕТСТВИЯ	10
<i>Роговский Е.И.</i>	
ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ВТО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	11
Вопросы и выступления	17
<i>Барабанов О.Н.</i>	
МИР ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г.: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПОИСК АДЕКВАТНЫХ ОТВЕТОВ.....	19
Вопросы и выступления	24
<i>Солнцева И.В.</i>	
ЖЕНЩИНА И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ..	29
Вопросы и выступления	35
СЕКЦИЯ I.	
ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ: СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	40
<i>Клеман К.</i>	
ВЫБОР РОССИИ: МЕЖДУ РЫНОЧНОЙ АВТОРИТАРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ И ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ В ИНТЕРЕСАХ ОБЩЕСТВА	41
Вопросы и выступления	48
<i>Кожевина О.В.</i>	
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РОССИИ К ВТО: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	51
Вопросы и выступления	54

Калюга Д.В.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО.. 56

Вопросы и выступления 59

Бородин В.А.

**ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ВТО: СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

ДЛЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ 60

Вопросы и выступления 63

Чистопашина О.В.

**УСЛОВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ВТО КАК ФИКСАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО СТАТУСА РОССИИ**..... 65

Вопросы и выступления 67

Кагиров Б.Н., Кагирова Г.В.

**ВЛИЯНИЕ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
НА ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО
УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ** 73

Вопросы и выступления 76

СЕКЦИЯ II.

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА
И УЧАСТИЕ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ КОАЛИЦИИ** 79

Еремин И.А.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ** 79

Вопросы и выступления 82

Ващенко А.В.

**РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОЗДАНИИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ БЕЗОПАСНОСТИ: ЮЖНЫЙ
РЕГИОН – КАВКАЗ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)** 89

Вопросы и выступления 93

Бойко В.С.

**ПОЛИТИКА США В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ
11 СЕНТЯБРЯ 2001 г.: НАУЧНО-ЭКСПЕРТНЫЙ
КОМПОНЕНТ** 96

Вопросы и выступления 99

<i>Бармин В.А.</i>	
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ИСЛАМСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В СИНЬЦЗЯНЕ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)	99
Вопросы и выступления	103
<i>Аршинцева О.А.</i>	
ВУЗОВСКАЯ НАУКА И РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ.....	105
Вопросы и выступления	107
<i>Волобуева М.М.</i>	
РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ И МИРОВАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	110
Вопросы и выступления	114
<i>Цветкова А.А.</i>	
ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К РОССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ.....	118
Вопросы и выступления	121
<i>Кулешова М.А.</i>	
РОЛЬ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОПЫТА В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ.....	122
Вопросы и выступления	124
СЕКЦИЯ III.	
ЖЕНЩИНА И ПОЛИТИКА	126
<i>Управителева Л.М.</i>	
ФЕМИНИЗМ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	126
Вопросы и выступления	139
<i>Белоусова М.П.</i>	
СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ЖЕНСКИМИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ.....	147
Вопросы и выступления	152

Дерюжина Е.В.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИТИКИ

ЖЕНЩИНАМИ 155

Вопросы и выступления 157

Полуэктова Н.Н.

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЕ РОССИИ ... 158

Вопросы и выступления 161

ВТОРОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ..... 165

ТЕЗИСЫ..... 170

СЕКЦИЯ I..... 170

Бетмакаев А.М.

СОЗДАВАЯ ОТКРЫТУЮ ЭКОНОМИКУ. ОСОБЕННОСТИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФРГ В «ЭРУ АДЕНАУЭРА» .. 170

Бобров М.Я.

РОССИЯ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
И ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ 173

Бузгалин А.В.

АЛЬТЕРНАТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(ЕЩЕ РАЗ О ТОМ, ЧТО ТАКОЕ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ) 176

Воробьев А.Е., Джанянц А.В.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ МИНЕРАЛЬНО-
СЫРЬЕВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 186

Голобородова Т.Н.

ПРОБЛЕМА PR-ПРАКТИК В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ . 200

Коваленко Л.Г.

РОССИЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
В РУСЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ 202

Колганов А.И.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НАДО ЛИ РОССИИ
ВСТУПАТЬ В ВТО? 205

Колоткин М.Н.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
МОМЕНТЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РОССИИ К ВТО 210

Мартынов В.Л.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И
РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ 211

Махновский Д.Е. МИРОВОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	213
Мочалова Л.А. ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ	215
Ольшанский Д.А. ЕВРОПЕЙСКИЙ АНТИГЛОБАЛИЗМ: КУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСТОКИ	217
Растова Ю.И. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ	220
Романов О.А. ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ	223
Скалон А.В. ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ И ГРУЗ СОБСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ	225
Юдина И.Н. ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВОЙ СИСТЕМЫ БУДУЩЕГО	231
Ярцева Н.В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ПРИ ВХОЖДЕНИИ РОССИИ В ВТО	236
СЕКЦИЯ II	241
Андреев В.П., Борзых С.В. СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ ..	241
Гордок С.А., Малышева Н.С. США, НАТО И РОССИЯ: ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ	244
Исакова С.Н. МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ И АВСТРИЙСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ	256
Козулин В.Н. ФОРМИРОВАНИЕ ЗАПАДНОГО СТЕРЕОТИПА ВОСПРИЯТИЯ МУСУЛЬМАНИНА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	258
Курныкин О.Ю. ТЕРРОРИЗМ: ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ?	262

Маркедонов С.М. ЧЕЧЕНСКИЙ ВЫЗОВ: МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ	265
Монина Л.В. К ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	269
Москвин В.Н. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ В СВЕТЕ «РУССКОЙ ИДЕИ»	273
Овчаров Г.А. К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОБЛЕМ ТЕРРОРИЗМА И ГЛОБАЛИЗАЦИИ	275
Притчина Е.В. ТЕРРОРИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ	276
Федорова Т.Н., Мусиенко Т.В. НОВАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ...	277
Чернышова Т.В. СОБЫТИЯ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г. И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	282
СЕКЦИЯ III	287
Бубенко О.Н., Зueva И.В. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ...	287
Голуенко Т.А. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ КОМИТЕТОВ СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	290
Шашкова Я.Ю. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ	291
АВТОРЫ ДОКЛАДОВ, ВЫСТУПЛЕНИЙ И ТЕЗИСОВ	294
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	299

**АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

✉ 656099 г. Барнаул, просп. Ленина, 61, к. 310

☎ Tel./fax (3852) 66-84-15,

▶▶ Pager: 067, № 14116

📁 E-mail: ashpi@hist.dcn-asu.ru

и ashpi@narod.ru

🖨 <http://hist.dcn-asu.ru/ashpi/ashi/ashi.html>

и <http://ashpi.narod.ru>

Дневник Алтайской школы
политических исследований №17

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Вступление России в ВТО
Борьба с международным терроризмом
Женщина и политика**

Материалы научно-практической конференции

Публикуется в авторской редакции

Макет, верстка и дизайн обложки А.М. Бетмакаев.
Подписано в печать 12.08.2002. Бумага офсетная № 1.
Объем уч.-изд.л. Тираж 500 экз. Заказ